Вяч. ШИШКОВ

СТАРЫЙ МИР

Мелодрама в 4-х действиях

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ ◊ 1920

Вяч. ШИШКОВ

СТАРЫЙ МИР

Мелодрама в 4-х действиях

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ □ 1920

Первая Государственная Типография, Гатчинская, 26.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.

Семен Петрович Зайцев, пристав в глухом сибирском захолустье.

Дьякон.

Кувалда, старик лет 60-ти.

Пров Никитич, крестьянин, лет под 40.

Семка, охотник, белобрысый парень, лет 18—20.

Старый охотник.

Старшина.

Почтовый чиновник.

Механик (из простых).

1-й мужик, 2-й мужик, 3-й мужик — кулаки.

Яшка, мальчишка лет 12-ти, служит у пристава.

Учитель.

Цыган.

1-й пьяный.

2-й пьяный.

Стражник.

Пробка, черный, волосатый, с дикими глазами, страшного вида.

Блямба, Окурок — арестанты.

Молодой арестант.

Старый арестант.

Надзиратель.

Часовой.

Старший рабочий.

Наташа, красивая девушка, лет 20-ти, учительница.

Марья-мукосейка, баба лет 40.

Арестанты, рабочие с приисков, стражники, солдаты.

---

*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

Большая комната в казенной квартире пристава в глухом сибирском месте, возле приисков. Стены тесаные, без обоев. Олеографии. Стенные часы. На стене коллекция ружей, сабель, револьверов. Граммофон. Накрытый клеенкой большой стол с закуской и выпивкой. Налево — дверь в прихожую, прямо — в спальную.

(Вечер. Горит висячая лампа, на столах свечи. Пристав пробует закуски, выпивает.)

Пристав. — Ну, чем не житье, ей-Богу, а? Тут тебе грибочки, осетринка, нельмочка, поросятинка. И вот еще эта вода жизни. Вот тебе и Сибирь. Да я так живу, что... то-есть, взгляните на мою морду... Хороша? Этим всё сказано. *(За дверью слышен кашель.)* Эй, кто там?

(Вваливается лохматый в черном зипуне, в валенках, с бляхой.)

Стражник. — Здрасте, васкородие. Приятно пить. Это мы.

Пристав. — Что значит — мы?.. Мы — означает корова...

Стражник. — Так точно, корова...

Пристав. — Дурак. Какая же ты корова, ежели с бородой? Ты, может, бык?

Стражник. — Так точно. Хе... По всем пунхтам...

Пристав. — Смеяться? Я те покажу смеяться. Ну?

Стражник *(переступает с ноги на ногу и деловым тоном, с дрожью)*. — Так что, васкородие, на етапе не вовся спокойно. Порциён, говорят, мал... То есть летучка-то, кобылка-то...

Пристав. — Ну?

Стражник. — Мурцовка, толкуют, мылом разит... Два крысячьих хвоста, быдто бы, рестанту одному попало... Ну, значит, чрез эти самые хвосты вышел страшный гвалт.

Пристав. — Зачинщики есть?

Стражник. — Так точно. Ванька Ражий.

Пристав. — В палки! Бить до полусмерти. Моим именем. Так надзирателю и скажи.

Стражник. — Слушаюсь. Ощо спиртоноса поймали, мужика. На прииски шагал.

Пристав. — Ну?

Стражник. — Твою милость поносил. Дождется, грит, свово резонту... Это, грит, не пристав, а, извините, сволочь...

Пристав. — Что?.. Как ты смеешь? Ах ты, морда этакая!

Стражник *(пятится к двери и со страхом)*.—Это ведь не мы. Он все... сволочью-то тебя... Сволочь, говорит...

Пристав. — Тьфу! *(Бегает.)* — Скажи Гаврильчуку с Прониным, пусть разделают. А впрочем я сам приду. Всё? Ну, пошел вон. Ах, черти!

Стражник *(идет, но в дверях задерживается, чешет за ухом)*.

Пристав. — Ну?

Стражник. — Тут одна фрухта... Девчонка из благородных... Ох, примечательна до чего на рожу. В сполитической партии. Мужа, либо суженого, сказывают, будто провождает на каторгу. А верней того — полюбовника. Пёс их разберет.

Пристав *(крутит усы, фамильярно)*. — Дак примечательна, говоришь, на рожу-то?

Стражник. — Даже ужасти до чего... Как яблок.

Пристав. — Дурак. При чем тут яблок?

Стражник. — Вроде как шаньга с сметаной.

Пристав. — На-ка, выпей... А ее надо ущемить, да сюда.

Стражник. — Очень даже просто.

Пристав. — Да в заднюю комнату, в канцелярию... Понял?

Стражник. — До тонкости. Вполне понял.

Пристав. — Да покараулить, чтоб без крику.

Стражник. — Не пикнет. Как в рот воды...

Пристав. — Вот именно. А то всю твою бороду раскуделю.

Стражник. — Очень просто.

Пристав. — Ну, пей.

Стражник. — С праздничком, васкородие... С веселой маслянкой, с гулеваньем. *(Пьет.)* Ну только что... Уж оченно они милуются. Чисто голуби... Ух, и слез будет. И греха...

Пристав. — Ну ладно, иди. Да сгоняй-ка гостей. Коего чорта нейдут. Гони в три шеи. Мол, господин начальник требует. А дьякона за бороду...

(Входит дьякон.)

Дьякон.— Хо-хо. Легок на помине. С масленицей, Семен Петрович. Почему за бороду? Это духовную-то особу, а?

Пристав.—Молчи, кутья. Наливай вот, да пей.

Дьякон.—Ладно. Кутья, так кутья...

(В прихожей топот. Хлопают двери. Пристав садится в кресло посреди комнаты и принимает величественную позу. Одной рукой подбочениваются, другой крутит ус. Входят старшина, почтовый чиновник, писарь, механик-самоучка с приисков и трое богатых мужиков. У крестьян и старшины в руках туески и свертки.

Старшина.—Ну, с маслянкой тебя, твое благородь. Вот тебе, прими...

1-й мужик.—И от нас таким же пòбытом. Прими...

2-й мужик.—И от нас.

Пристав *(машет рукой)*.—В кухню, в кухню.

1-й мужик.—Дак ты взгляни, васкородие. Как это в кухню? Тут фунтов десяток мёду... там сожрут.

2-й мужик.—А у меня полпуда, поболе маслица...

Пристав.—В кухню. Эй, Яшка, огребай!

Яшка *(мальчишка, лет 12-ти, еле волочит всё к двери)*.—Слушаюсь!

Старшина.—Надорвется парнишка-то. Подсобляй, Петрован.

1-й мужик.—До-опрёт. Эн, какой гладкорожий.

Пристав.—Выпьем-ка, ребята. С холоду.

Все *(хором)*.—Вот-вот... Это даже приятно. Потому мороз. Это подходяво.

(Пристав разливает всем.)

Дьякон *(в каждой руке по рюмке, тянется к приставу)*.—Из двух желаю. А лучше б стаканом. А то мне рюмка, всё одно, что слону дробина.

Все *(смеются)*.—Ну, и питух. Вот этот пьет. Винцо, как суслицо глотает. Ай, да отец дьякон!

Пристав.—Яшка, самовар!

Яшка *(выглядывая из прихожей)*.—Слушаюсь.

Пристав.—А ряженые где?

Яшка.—Собираются. Бегал я... Смешны-ы-е.

Голоса.—Кувалду, Кувалду бы сюда. Ох и песни горазд петь. Чисто жаворонок.

Пристав.—Слетай за бродягой. Или пошли стражника. В бане наверно. Живого или мертвого—пусть тащит.

Яшка.—Это Кувалду? Слушаюсь. *(Уходит.)*

(Входит учитель, в сюртуке, манжетах, но в серых валенках.)

Пристав.—А, педагогия! Что поздно?

Учитель. — Извините, запоздал-с. Ребятишки у меня...

Пристав.—Ну-ка, налейте учителю сразу три. Пусть догоняет. *(Трое бросаются наливать в три рюмки.)*

Учитель.—Не могу-с, увольте. Я не пью.

Пристав.— Это еще что за новость? Пей!

Механик. — Кушайте, Иван Назарыч. Что вы...

(Яшка вносит самовар, разливает чай.)

Пристав.—А не хочешь, так убирайся вон.

Учитель.—Почему ж такая грубость?

Пристав.—Фантазия пришла. Вот и всё.

Все.—Пейте, Иван Назарыч. Ну, чего тут... Ежели угощают.

Пристав.—Чорт с ним. Яшка, выведи его!

Учитель.—Я и сам уйду. Стыдно вам, господин пристав. Это называется нахальство.

Голоса *(протестующе)*.—Ах, ну что это. Эка, голова.

Пристав.— Нахальство? Яшка, скажи стражнику, чтоб эту козью бороду в чижовку.

Учитель.—Что? Жаловаться буду. Места лишусь, а куда следует напишу! Я не кто-нибудь... Я...

Пристав *(вслед уходящему)*.—Пшел вон! Жаловаться? на меня? *(К присутствующим)*—Не угодно ли? Каков? А? Кто я вам всем? Говорите!

(Все встают с мест, кроме дьякона, который сидит за столиком, в стороне, спиной к зрителям. Пред ним четверть водки.)

Пристав.—Ну, кто я? Царь и Бог я вам!

Дьякон.—Дурак и скотина.

Пристав.—Что-о? Ты, грива, про кого это? Я дурак?

Дьякон *(повернувшись)*. — Нет, самолично я. Все встали, а я, скот этакий, сижу.

(Все крадучись прыскают смехом.)

Пристав *(грозит плутовато пальцем)*. — Вывернулся... Ну, хитер.

(Все смеются вслух.)

Голос.—Очень даже хитропузый.

Пристав.—Ну, давайте чай пить. Прошу. Ах, да. *(К почтовому чиновнику.)* Эй, послушайте! Чтобы ни одного письма от учителя без моего просмотра. Поняли?

Чиновник.—Не беспокойтесь. Всё будет в точности. *(Оправляет орден.)*

(Где-то слышится возня и женский крик. Все на мгновенье прислушиваются.)

Пристав.—Прошу.

(Входит рослый мужик, средних лет, Пров Никитич. Крякает и манит жестом пристава. Тот выходит с ним в прихожую. Слышен раздражительный голос пристава и грубый Прова. Гости подходят к столу.)

Голоса.—Отец дьякон, чаю. Пожалуйте. Налито.

Дьякон *(встает, марширует, размахивая руками и бубчя в такт)*.—Сохнут губы, эх, чайку бы! Сохнут губы, эх, чайку бы! *(Подходит к столу, отрезает долю пирога, идет к самовару, берет стакан. Все, глядя на него, смеются. Входит пристав.)*

Пристав.—Прошу, прошу! Вот, с ромом, сиречь с архиерейскими сливками.

Голоса.—От бешеной коровы? Округовеешь от них.

Пристав.—Почему жидкий чай? Яшка!

Яшка.—Слушаюсь.

Голоса.— Кронштадт видать. Знать, в чайнике-то дьякон ночевал. Ха-ха-ха!

Пристав.—Яшка! Подсыпь еще. Да ворота, ставни на запор.

Яшка. — Слушаюсь. *(Убегает, и из двери.)* Кувалда пришел! Пущать?

(Входит испитой благообразный старик. Кланяется приставу и всем.)

Кувалда.—Приятно кушать.

Пристав.—А, Кувалда! Эй, кто-нибудь. Накройте-ка ему у печки. А то у него—вши наверно.

(Вновь глухо слышится крик и плач. Все прислушиваются. Торопливо выпивают. Входит Пров Никитич.)

Пров.—Вашескородие... Так невозможно.

Пристав *(подскакивает к нему. Свирепо)*.—В чем дело?

Пров.—Партия сейчас в поход. Так не ослобонишь деваху-то?

Пристав *(размахивается и ударяет Прова по щеке)*.— Вон!!

Пров *(шумно задышал, сжал кулаки, но, махнув рукой, выходит, грозно крича)*.—Попомни!

Пристав *(отдуваясь, садится к столу)*.—Фу-у-у. Кушайте, кушайте... *(Вновь слышен стон.)* Не обращайте внимания. Это канарейка распевает... Всем сюрприз готовится. На третье блюдо—фрукт. Блинки, а на покрышку—фрукт!

Дьякон *(сидя спиной, раздельно)*.—Мер-р-завцы и подлец-цы.

(Все хором, чтоб замять—кашляют, крякают.)

Механик *(к приставу)*.—А что ж, Семен Петрович, насчет охоты? Хажизали нынче? Зайцев, говорят, гибель.

Старшина.—Что зайцов, что медведей: страсть. Лисицы опять же... Съездим-ка, твое высокородье.

Пристав *(отдувается, машет рукой и косится на спину дьякона)*.

Дьякон *(не оборачиваясь)*.—Он больше за соболихами.

Старшина.—Ха-х-а-ха. Вспомнил штуку одну...

(К дьякону поспешно подходит крестьянин, что-то шепчет.)

Дьякон.—Пошел к чорту.

Пристав.—Какую штуку?

Старшина.—Про ряженых-то вот даве говорили. Сме-е-шная штука, твое благородье.

Пристав *(рассеянно)*.—Говори. Я слушаю.

Старшина.—Идет чистым полем о святках наш Ваньша. К девкам шел на посиденку. А сам смертью обряжен, в белом балахоне, с косой—ну, чисто смерть.

Голос.—Ну, неужто?

Старшина.—Увидишь—обомрешь. А тут мужичишко из лесу к себе ехал в разнопряжку на двух лошадях. Ваньша на заднюю-то возьми да и подсядь. Сидел-сидел, да как крикнет мужиченке: «Помахивай!» Мужиченко обернулся—отцы родные! Смерть!

Голос.—Ха-х ты, чорт!

Старшина.—Да ну кнутищем по коню. А Ваньша еще раз как возгаркнет: «Помахивай!» Мужиченко на дыбы в санках, хвось, хвось по лошаде. А Ваньша того пуще: «Пом-а-хивай!!» А тут деревня. Мужиченко бряк с саней, да на карачки. *(Все хохочут.)*

Голос.—На карачки?!

Старшина.—В полной мере! И что бы вы думали? Ведь, со страху помер, царство ему небесное, представился!..

Голоса.—Неужто помер? Экой дурак какой.

Дьякон *(вдруг затягивает)*.—Ве-е-чная па-а-... *(К нему подскакивают: «Отец дьякон! Что ты! Ошалел?!» Тот дико озирается.)*

Пристав.—К чорту это! Давайте лучше песни...

Все.—Песни, песни! Маслянка сегодня. Гулеванье! Да выпить бы.

Пристав *(оживляясь)*.—Качай, ребята, не стесняйся! Эй, Кувалда, ну-ка, заводи. Да повеселей чтобы!

Кувалда.—Да что-то, господин пристав, сердце не лежит к веселью-то...

Гости.—А ты выпей... Дёрни на размер души.

Кувалда.—И то пью. Да вот на сердце у меня чего-то тяжелёхонько. Беда!

Пристав.—Ну, что ты, старик. Будет... Не порти праздника. На-ка коньяку.

Кувалда.—Благодарим покорно.

Пристав.—Пей и не кобенься. А то, брат, у меня живо. Так всыплю, что год кверху задом будешь сидеть. Не погляжу, что старик...

Кувалда.—Воля ваша... А только что докладываю... Чую недоброе. И сон видел...

Дьякон.—Сон... впился в спину сом...

Пристав *(негромко)*.—Ку-ть-я... *(Бродяге.)* Ну, старче, качай веселую.

Кувалда.—Нет у меня веселых, не взыщите уж. Проголосные у меня песни, старинные.

Старшина и крестьяне.—Вали, только громче. И мы громыхнем в случѣе... На-ка гусли-мысли. *(Подают гитару.)*

Кувалда *(задумчиво смотрит в сторону, прислушивается к слабому женскому крику в задних комнатах, перебирает струны гитары)*.

Пристав.—Ну, веселитесь... А я сейчас... *(Уходит.)*

Кувалда *(вздохнув, начинает)*.—

Эх, ты гуленька, голубочи-ик,
Сизокрылый да воркуночи-ик,
Что ж ты в гости ко мне не летаешь,
Аль ты домичку мово не знаешь,
Али голоску мово не слышишь?

(Кто-то из гостей подхватывает, и поют песню на два голоса, первым и вторым тенором.)

Старшина.—Хороша песня, да скушна больно.

Кувалда.—А мне такая по сердцу. Бродяга научил один.

Мужики.—Всё по Рассеи небось скучаешь, по семье?

Кувалда.—Ох, братцы. Так скучаю, так скучаю, ну прямо сплю и вижу... Шесть раз ведь бегал туда... Вся спина плетьми исполосована. Как только за Урал, схватят, дерут-дерут, да опять назад, в Сибирь.

Механик.—Уж плюнул бы... Жил бы здесь. Чего тебе? Умирать пора.

Кувалда.—Вот то-то, что пора. А ка̀к умру, не повидавшись с кровными? В последний раз, это в третьёвом году, верст с сотню до дому не дошел, схватили. Так, верите ли, до чего я плакал, аж руки себе изгрыз, давиться хотел—с петли сняли...

Механик.—Плюнь... Выпей лучше...

Кувалда *(не слушая).*—Так видно и придется глаза закрыть на чужой стороне. А вот как хотелось бы в могилку-то на своей землице родной лечь.

Механик.—Гнить-то одинаково.

Кувалда.—Эх, друг...

Дьякон.—«Но ближе к милому пределу мне все б хотелось почивать.» Эй, варнаки, кто это сказал? Это сказал Пушкин, варна̀чьи ваши души.

Все *(обиженно).*—Мы не варнаки.

Дьякон *(не оборачиваясь).*—А кто же вы? Ну, жулики.

Все.—Отец дьякон! Ты сдурел! Назюзюкался?

Дьякон.—Правду говорю. *(На мужиков.)* Эти трое—торгаши, живоглоты, кровь сосут. Старшина — золото от шпаны скупает, и мне доподлинно известно, что одного бродягу укокошил.

(Все возмущенно кричат.)

Дьякон *(сквозь крик).*—Механик от спиртоносов-горбачей спирт скупает, да рабочих опаивает. *(Крики крепнут. Все подступают к дьякону.)* И прочая и прочая. Все вы одна шайка. А пристав — ваш атаман.

Голоса.—Ах, так? Вот оно что.

Дьякон.—Один только среди вас чистый—бродяга. Оттого он и гуленьку поет, а не плясовую.

Голоса.—Арестовать его надо! В чижовку! Где ж хозяин-то?

Дьякон.—На-ка, выкуси. Я вашего пристава так же боюсь, как медведь зайца. Какой-то штрафной офицеришка. Мордоплюй. Начхать мне на него! А меня сам владыко Варсонофий знает. Да мне только слово ему написать, всех вас вздрючат! Храпои-и-долы!..

Пристав *(показывается в дверях из спальни. К кому-то в спальню).*—Как крикну, знак подам—так и тащите. *(К гостям.)* Ну, что же вы? Кувалда, пой, что ли!

(В прихожей шаги. Вбегает Яшка.)

Яшка.—Васкородье, ряженые! Вот те Христос. Пущать?

(Входят ряженые: цыган, медведь, коза, тунгус с тунгуской, спиртонос, колдун, две цыганки и человек восемь музыкантов.)

Цыган.—Здорово, хозяин, здорово, гости распречестные, мазурики записные. Ка-хы-ы!.. Вот приволок к вам Мишку, и взяла меня одышка. Шел я лесом. Глядь—медведище сидит на рябине с хвостатым бесом, сидят в карты играют, вас, умных людей, дураками обзывают. Ка-хыы! *(Все смеются.)* Кланяйся. Вот так. Эй, Мишка, проси шкалик винишка!

(Медведь рявкает, поджимает лапы к брюху и кланяется. Все угощаются водкой, поздравляют хозяина.)

Цыган.—Ну, вы музыканты, барабанщики, варнаки и обманщики — ай-да̀!

Все.—Айда! Айда! *(Начинают плясать.)*

Старшина.—Отец дьякон! А ты чего же?

Дьякон *(смотрит на пляшущих)*.—Отстань! Духовному сану не подобает.

Цыган *(топчется с медведем и козой)*.—

Кони новы, чьи подковы,
Кони новы, чьи подковы!

Все *(хором громко)*.—

Чох-чох-чох-чох! Чох-чох-чох-чох!

Цыган. — Кум горой, кум горой,
Кума улицею,
Кум поет петухом,
Кума курицею...

Цыган и хор *(одновременно, хор тихо, на низких басах)*.—

Цыган.— Кум поет петухом,
кума курицей.
Хор *(ворчит на басах)*.— Кум горой, кум горой,
кум горой, кум горой.

Цыган.—Сегодня горох и завтра горох,
Приди, приди, куманек, постой у ворот.

Цыган и хор.—

(Цыган).— Приди, приди, куманек, постой у ворот.
(Хор—тихо).— Кум горой, кум горой, кум горой, кум горой.

Цыган.—Эх, завтра щи,
Послезавтра щи,
Приди, приди, куманек,
Меня поищи!

Цыган и хор.—

(Цыган).— Приди, приди, куманек,
Меня поищи!
(Хор—громко).— Щи-щи-щи-щи-щи-щи-щи.

Цыган.—Эй, отец дьякон, деньги на кон! Подбирай полы, айда плясать!

Дьякон.—Отстань, сатана! Сказано: моему сану не подобает. *(Музыка играет, пляска продолжается. Кувалда сидит в стороне с опущенной головой.)*

Пристав *(притоптывая посреди круга)*.—Музыканты, веселей! Денежку дам, водки дам!

Цыган *(крутится, ударяя ладонями по голенищам сапог)*.—

Один-другой, хомут с дугой,
Один-другой, хомут с дугой!
Эх ты но! Наяривай!
Пуще, пуще! Айда, веселей!!

(Незаметно к пляшущим пристает и дьякон. Подбирает полы, видны белые штаны—и, встряхивая волосами, топчется возле своего стола.)

Все *(хором)*.—Ха-ха-ха! Молодец-дьякон!

Дьякон.—А что ж, не человек я, что ли?!

Пристав.—Тсс. Стоп-машина! Музыканты к чорту! От вашей игры холеру схватишь. Давайте песню.

(На минуту все замолкают, останавливаются, отирают вспотевшие лица. В стороне пьяный старшина с механиком.)

Механик.—Дак помахивай, говоришь? *(Хохочет.)*

Старшина.—По-о-махивай! А тот по кобыле хлесь, хлесь! Ха-ха-ха!.. Помахивай... Так и околел со страху. Ха-ха-ха!

Механик.—Ха-ха-ха! Ну-ка, мурызнем.

Кто-то из толпы.—Давайте «кукушечку».

Пристав.—Кукушечку? Валйте! Вы мне кукушечку, а я вам под конец—ласточку! Этакую касаточку, пальчики оближешь! *(Целует концы пальцев и оборачивается к спальне.)*

Цыган.—Падай, молодцы и девки, на пол! Хороша будет песня.

Голоса.—А кто запевало? Кто? Кувалду будем упрашивать.

Пристав.—Ха! Упрашивать. Много чести... Кувалда, марш в круг! Затягивай!

Кувалда.—Не до песен мне, ваше благородие... Сердце ноет. Тяжко.

Пристав.—Ах, сердце? Я тоже с сердцем. *(Схватывает его за шиворот и волочит в круг.)*

Голоса.—Не гоже так-то. Чего он, старика... Крохобор толстобрюхий.

Пристав *(топает ногой и молча ищет глазами говорившего)*. — Кто это? А?

Дьякон *(вдруг затягивает сильным басом.)*—Не куку-у-ше-ечка-а кукует...

Хор.—Ах, не горю-у-шечка-а-а горюет... *(И поют дальше, сидя на полу. Дьякон запевает, Кувалда сидит рядом с цыганом, подперев ладонью опущенную голову.)*

Ах, не горюшечка горюет,
Молода жена тоскует.
Мне сегодняшний день скука,
Со милым дружком разлука.

(Вдруг среди песни слышен в спальне крик, затем дверь с шумом распахивается, и врывается Наташа, за ней стражник с бляхой и двое парней, схватывают ее, тащут назад. Гости, огорошенные, поднимаются с полу, но мало-по-малу приходят в себя.)

Наташа.—Пустите, пустите!

Пристав.—Стой, ребята, не трогай! Вот и ласточка.

Наташа. — Как вам не стыдно, как не стыдно? Это ж насилие! Какой же вы представитель власти?

Пристав.—Тпру-тпру-тпру!.. Потише, потише!

Наташа.—Они меня всю истерзали, они...

Цыган.—Хороша, соколица.

Пристав.—Садись, разлапушка. Желаю, чтоб весела была. Сегодня праздник. Сладенького? Ребята, сади

ее на кресло. Неси, как на троне, к столу. Пусть будет египетской царицей.

Наташа *(рвется).*—Пустите, пустите! Я вам выцарапаю глаза!

Голоса.—Ишь, кошка какая.

Цыган *(сверкая белками).*—Эх, хороша соколица! В табор бы! *(Выпивает, громко чавкая пирог.)*

Наташа.—Пустите! Жаловаться буду!

Цыган.—К чорту в лапы угодила.

Пристав.—Кому это жаловаться? Мне? Больше некому, ласточка-касаточка. Ножками не брыкайся. Стены у нас крепкие, уши глухие, глаза незрячие. Всё здесь останется.

Наташа.—Что тебе надо, негодяй?

Пристав. — Не ругайся, не слышу. Кричи, не кричи, крышечка, брат, тебе сегодня. На, окати душу, разлапушка.

Цыган *(насмешливо, по-цыгански, с ядом громко подкашливает).*—Ка-хыы!!

Наташа *(придвинутая к столу на кресле и удерживаемая крепкими руками, вышибает у пристава рюмку с вином).*

Пристав.—Ах, не хочешь, золото мое? Ну-ка, ребята, разожми ей рот. Вставь меж зубов пробки. Вот так!

Дьякон *(грохает по столу кулаком. Он снова сидит на прежнем месте, спиной к публике, иногда оглядываясь назад).*

Пристав *(рюмку за рюмкой льет в рот Наташе, приговаривая).* — Вот коньячек, вот рябиновочка, вот спотыкач... Эх, шампанеи нету.

Наташа *(кашляет, давится, взмахивает руками).*

Пристав. — Довольно. Вынимай пробки. Впрочем, стой! Ну-ка еще рому!

Дьякон *(вдруг вскакивает, еще сильней ударяет по столу, четверть падает, тарелка подскакивает).*—Про-

тестую! Эй ты, царь и Бог! Я те покажу царя! Я те покажу царя! Сейчас же отпустить юницу!!

Цыган.—Ка-хыы!!

Дьякон (*надвигается на пристава, пошатываясь*).— Немедленно отпусти!

Пристав.—Эй, взять его!

Дьякон.—Меня? Соборного дьякона! Ах ты храпоидол лешев, дрянь!

Пристав.—Я дрянь? Как ты смеешь? Дворянина?!

Дьякон.—Тьфу твое дворянство! Хапуга, крохобор!

Цыган.—Ка-хыы!!.

Пристав.—Что, как?! Тащите его, кутью!!

Дьякон. — Ты в Туле казенные деньги проиграл! Казнокрад! Ты...

Пристав.—Вон, вон!! В три шеи его! С миром по глаголу! Марш!!

(*Дьякона схватывают и волокут, он упирается, но его все-таки выталкивают.*)

Дьякон (*кричит*).—Ах вы осиное гнездо! Вертеп разбойников! Доканаю я вас!!

Пристав (*пьяный*).—И вы все лишние, марш отсюда! Именем закона!.. По указу Его Величества... Вон! (*Все тянутся к выходу, недовольно бубнят.*) Гости остаются на своих местах! Именем закона!

Цыган (*в дверях, тряхнув кудрями*).—Эх, соколицу жалко. (*Поет*):

Кони новы, чьи подковы,
Кони новы, чьи подковы!

(*И оглушительно свистит.*)

Пристав.—Эй, кто там? Дайте-ка свистуну по загривку!—Ну, ласточка. Дак как? (*Потирает руки.*) Подари улыбкой, согрей лучем взаимности нашу холодную кровь... Хе-хе-хе! Не так ли?

Наташа.—Что ж вам от меня надо?.. Подлость-то, низость-то какая. Где мой Сергей? Пустите меня к

Сергею... *(Заметно охмелела, закрывает лицо руками, всхлипывает.)*

Пристав *(пьяно затягивает)*.—«Не плачь, красавица, слезами кручине злой не пособить. Клянусь я честью и...»

Наташа.—Ах ты негодяй, негодяй!

Старшина. — Это нехорошо, сударыня, не гоже... Чтоб такие слова их высокородию.

(Наташа плачет.)

Писарь.—Тебя, можно сказать, обогрели, угостили, а ты на дыбы?

2-й мужик.—Экая ты коза.

Пристав.—Черная неблагодарность, не правда ли?.. Мадам, очаровательная богиня. Ах, оставьте ваш характер... *(Поет.)* «Полюби меня, красна девица...» Не правда ли? Ха-ха-ха!

Кувалда *(всё время старается встать между приставом и девушкой)*.—Не мучьте ее, господин пристав. Сделайте такую милость Божью...

Наташа. — Я плюну тебе в физиономию. Только тронь.

(Чиновник, заложив руки назад, одиноко ходит вдоль сцены у печки, механик мрачно сидит за столом, где был дьякон, и ерошит волосы, крестьяне и старшина с писарем подобострастно увиваются возле пристава.)

Кувалда.—Господин пристав... Милостивец... Я вас очень прошу...

Пристав.—Молчи, халуй! Болван этакий.

Кувалда *(в отчаянии)*.—Эх, горе наше!..

Наташа.—Слушайте!.. Вы меня напоили пьяной. Отняли жениха. Хотите обесчестить. За что? Ну, что я вам сделала худого? Не к разбойникам же я, в самом деле, попалась, не к хунхузам? Ведь вы—люди, русские люди! Братья...

Пристав *(лезет с поцелуями)*.—Красота! Неземная красота...

Наташа *(отталкивает его)*.—Уйди прочь, нахал!

Старшина, писарь и мужики.—Ну, поцелуй... Чего тебе стоит... Убудет тебя, что ли?.. Другая бы за честь сочла...

(Слышен шум, нарастающие крики.)

Пристав *(прислушиваясь)*.—Кой там чорт шумит? Пьяницы... *(Подходит к двери, кричит.)* Яшка, эй, Яшка! Поди узнай, что там?.. Смирно чтобы!..

(Крики усиливаются. Он выходит за дверь. Остальные на цыпочках тоже подходят к двери, прислушиваются.)

Кувалда *(ласково Наташе)*.—Скажи мне, милушка, чья ты? Как попала-то сюда?

Наташа *(хватает его за руку)*.—Ох, дедушка, дедушка, что со мной будет...

Кувалда *(подсаживается, гладит ее по голове)*.—Экой грех-то какой. Молись Богу, радость моя. Пуще молись, на него одна надежда. И я помолюсь. *(Крестится.)*

Наташа.—Где я? Где Сергей? Уведи меня к Сергею. Дедушка... Хороший мой. *(Всхлипывает и прижимается лбом к его руке.)* Голова моя кружится... Сердце болит.

Кувалда.—Откуда ж ты, радость моя?

Наташа.—Из России. Харьковская я... В селе ребят учила.

Кувалда.—Харьковская? И я ведь харьковский. Ну, а как имя-то твое, милушка?

Наташа.—Зови, дедушка, Наташей...

Кувалда *(тревожно)*.—Наташа?.. А фамилия твоя, а отчество?

Пристав *(поспешно входит)*.—Черти. Я им пропишу! *(Грозит по направлению стихавшему шуму за стеной)*. Ну, ласточка, не волнуйся. Как дела, друзья? Выпьем!.. Пей, красавица. Да и того... Не так ли? Ну-

ка, налаживайте кэк-вок!.. Ужасно люблю под музыку девок целовать. Ха-ха! *(Обращаясь к Кувалде.)* А ты, старче, убирайся-ка во свояси.

Кувалда.—Отпусти ее со мной. Сделай милость.

Пристав.—В мои дела прошу не мешаться. Пррошу! Понимаешь?.. Прошу! *(Грозит возле его носа пальцем.)* Ну-с, красавица. Же ву при! *(К гостям.)* И вы со мной.

Кувалда.—Куда ты ее тащишь? Наташенька, голубушка.

(Наташа вырывается, кричит.)

Пристав *(к гостям)*.—Приглашаю. Со мной!..

Старшина и прочие.—Мы здесь побудем. Чего там. Орудуй уж один.

Пристав.—Ну, нет-с. Грешить, так вместе! Старшина—власть предержащая. Ну-с, приказываю! Именем закона!

Старшина и прочие *(переговариваются)*.—Ну что ж, ежели приказ, пойдемте. Идем, Сидор Петров, Лука Карпыч... Идемте все не то... Эй, Петрован, а ты куда?

1-й мужик.—Живот чего-то схватило.

Наташа *(кричит)*.—Помогите! Помогите!

Кувалда.—Христопродавец!..

Пристав.—Пшел к монаху!.. Грыжа старая.

Кувалда.—Не жди больше от меня защиты! разорвут тебя рабочие да бродяжня.

Пристав.—Прочь! *(Отбрасывает Кувалду.)* Всех рабочих твоих, как рябчиков, перестреляю.

Наташа *(подтащенная к самой двери, кричит)*. Крестьяне! Крестьяне!.. Что же вы-то? Господи... Он хам, он наймит... Царский навоз, гадина. А вы? Вы-то, крестьяне, мужики русские?!. Стыдно вам!

Пристав.—Ну, иди, иди, ласточка, довольно. Ругай, бей, плюй, повесь меня—я свое возьму! Знай дворянина Зайцева. *(Вталкивает ее в спальню.)*

Кувалда.—Стой, душегуб, стой!..

Пристав.—Завтра же я тебя повешу!

(Из спальни рвется Наташа, ее удерживают гости.)

Кувалда.—Забыл, как я от смерти-то тебя спас? Забыл?!.

Яшка *(врывается из прихожей)*.—Ой, ой, караул! Вашескородие! *(Бухает в ноги.)* Караул!

Пристав *(оборачивается, держится за косяк, шатается)*.—Чего орешь? Ну?

Яшка.—Сапоги мои новые. Ой, батюшки. Повар сапоги мои из сундука слямзил, да в пропой... *(Плачет.)* Еще блины мои стрескал.

Пристав.—То-есть как в пропой? Вернуть! Чтобы ни одного блина!.. Где блины? Какие блины? *(Оборачиваясь к спальне.)* Иду, иду. *(Лягнув ногой Яшку.)* Пшел, чертенок! Не сметь сюда!

(Дверь захлопывается, запирается на ключ).

Кувалда *(стучит в дверь кулаком, кричит)*.—Отопри!.. Сдается, дочь она мне! Господи, неужели это моя Наташа? Господи, как защищу? Стар, слаб, презренен... *(Сквозь слезы.)* Отопри, злодей, отопри! *(Плачет.)*

Яшка *(между тем хватает со стола в рот закуски.)*—Ах, скусно... Это зовется шпы-рот... Полезай в рот. Ну-ка, выпью... Ого!

Кувалда.—Яшенька, голубчик. Беги к священнику. Беги к дьякону... Бей в колокола!..

Яшка *(не слушая, схватывает большой кусок колбасы и приплясывает)*.—

Яшка, ты Яшка,
Медная пряжка,
Красная рубашка...
Это значит колбаса,
Очень даже длин-на-я!..

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

Большая изба вроде постоялого двора. Вечер. Топится печь. Марья-мукосейка печет хлебы. Налево в углу спят на полу двое, видны торчащие из-под зипунов ноги. Входят Пров Никитич и Наташа.

Пров.—Ну, вот, Наталья Митревна. Тут, значит, и обогреемся.

Наташа.—Спасибо, спасибо тебе, Пров Никитич. За всё спасибо.

Пров.—Ну, чего там. Пара пустяков. Здорово, Марья!

Марья.—Здрасте-ка. Откедова это ты, Провушка?

Пров.—С села. От волка заиньку спасал. Было совсем в капкан попалась.

Марья *(удивленно)*.—А-а-а... Поди, тот бардадым-то, пристав?

Пров.—А кто боле-то? Знамо, он. Ерыга чортов.

Марья.—Народятся же на белый свет этакие аспиды. Пес не пес, человек не человек. По роже быдто человек, а по жисти-то евоной—головешка. Ах, да что же это я, старая торба... Садись, девонька. Поди, замерзла? Вот, к печке-то. А я живчиком самоваришко сварганю. Ой, светы мои. *(Всплеснула руками, когда Наташа сняла шаль и раскуталась.)* Эка девка-то кака пригожая... Из благородных, поди? А?

Наташа.—Я—учительница, хозяюшка.

Марья.—Ну, так и есть. Уж я как на личико твое взглянула, сразу сметила.

Пров.—Это что у тебя за гости?

Марья.—Да тут... двое. Дальние какие-то. Из-под Якутска, надо быть. Выпимши шибко. Ишь, как всхрапывают, быдто кони.

(Марья ставит самовар, Наташа задумчиво сидит против топящейся печи.)

Марья.—Дак как же было дело-то, расскажи, Провушка? Как девоньку-то отвоевал?

Пров.—Ну, чего тут... Долго сказывать. Слетал я живчиком в тайгу, ребят своих скликал, да и нагрянули в самый аккурат. Содомгомор. А у пристава казаки. Ну, вышла драчишка, всё честь честью. А рожи у нас были тряпками завязаны, чтобы не узнать... Дай-ка лучше сухонькие онучки. Ноги чего-то зашлись. Мало-мало застудил...

Марья.—На приисках, поди? Ноют, что ли? На-ка, переобуйся, со Христом... Тепленькие. *(Пров переобувается.)* Так-так-так. Ну, дела-а-а... Куда ж ты, Провушка, путь свой правишь?

Пров.—А куда глаза глядят... От того лиходея-то надо ускользнуть... Тут звероловная избушка, зимовье, верстах в десяти отсель... Лажу сперва туда. Отсидимся, а там видно будет.

Наташа *(вопросительно и с опаской смотрит то на Прова, то на Марью).*

Пров.—Ты чего? Ты не бойся, Наталья Митревна. Марья свой человек. Не выдаст.

Марья.—На вот те... Сохрани Христос. Да чтоб он подох, аспид. Да чтоб ему опухнуть, окаянному... Он, злодей, в третьем годе мово Николушку плетьми запорол... Ой-ей-ей, Николушка ты мой родименький, кормилец мой... *(Марья закрылась фартуком, плечи вздрагивают.)*

Пров.—Ну, поехала... Чего выть-то без толку... Не воротишь. *(Обращаясь к Наташе.)* Вот, Наталья Митревна, до чего терпеливый народ у нас. Золотой прииск

тут поблизости... купеческая, значит, компания содержит... Золота вырабатывают страсть.

Марья.—Прямо можно сказать купчишки-то захлебнулись золотом...

Пров.—А рабочих тухлятиной да гнилью кормят. Под землей да в холоду, да по колено в воде. Мы им золото: на, купцы, царствуй. А нам штрафы, да зуботычины, да по двенадцать часов работы. Вот так и замордовали всех...

(Слышны шаги. Отворяется дверь. Входят старик и молодой парень с ружьями. Наташа вскакивает и бросается в страхе к Марье.)

Марья.—Что ты, что ты, ягодка.

Пров.—Наталья Митревна, что ты... Свои это. С промыслов, охотники. Что, братцы, белковали?

Охотники *(крестятся на образа)*.—Здорово-те живете. *(Кланяются и сваливают с плеч груды убитых белок. Охотники в вывороченных вверх шерстью шубах, в собачьих мохнатках-рукавицах.)*

Семка *(веселым голосом)*.—Белковали и есть. Эвот скольки. Пофартило нам с дедом.

Старик.—Да, сегодня нам с Семкой фарт. *(Марья несет поспевший самовар.)* Вот это дело. Чайку-то и мы похлебаем всласть.

Марья.—Садитесь, пейте не то. Ужо я молочка подам, да шанежек.

Старик.—Добро. Мы те шкурки по три за труды положим. Пров Никитич, иди-ка на пару слов... *(Манит Прова. Пров идет за стариком в зад избы, к двери.)*

Марья.—Ну, ягодка, залазь за стол-то. Ужо я медку...

Семка.—Давай, давай, тетка. Я страсть как мед люблю.

Марья.—И без меду гладок.

Семка.—Ощо напеки-ка мне оладьев... Хы-хы-хы. Буду в мед макать.

Пров *(от двери)*.—Ну-у... Ишь ты. Слышь-ка, Наталья Митревна! Жив ведь старик-то, Кувалда-то, нашелся.

Наташа *(всплескивает руками)*.—Да не может быть?! Где же?

Марья.—Вы про Митрия, что ль? А чего такое с ним стряслось?

Наташа *(изменяясь в лице)*.—Разве его Дмитрием зовут? Пров Никитич?!

Пров.—Как же, Митрий как есть.

Старик.—А хвамиль ему Жданов.

Наташа.—Что?! *(Вскакивает. В голосе и выражении лица радость и слезы.)* Отец! Ведь это ж отец мой. Боже!.. Пров Никитич, голубчик!

Марья.—Что ты, ягодка? В уме ли ты?

Наташа.—Неужели это совпаденье? Отец мой на поселеньи был, пропал без вести. *(Бросается то к Прову, то к старику.)* Пров Никитич, скорей... Дедушка, родной мой! Где же он? Ну, скажи! Неужели это отец?.. Приведи его. Или постой... Я сама, сама!.. *(Ищет шаль.)*

Все.—Куда ты, что ты?.. Этакий морозище плящий. Сдурела ты?

Старик.—И то правда. Да ты не сумлевайся. Жив-здоров.

Пров.—И не ранен, ничего?

Старик.—Целехонек. Вишь ты, его казак только с ног сшиб, да саблей замахнулся, а ударить-то, знать, и не посмел, сердце не велело, али так обробел...

(Наташа быстро ходит взад-вперед по избе, что-то обдумывая. Старик развешивает к печке одежду, говорит:)

Старик.—Эх-ты, мохнатки-то каки холодные... Бывает, девонька, иным часом: башка так и сяк размыс-

лит, и по злому: вот-вот какую ни на есть пакость сделаешь, а сердце вдруг осадит: мол, стой, дурак, что ты... Тут сразу одумаешься, и вся кровища дурная от башки отхлынет. Так и с казаком, надо быть, вышло. А только что Кувалда живехонек.

Марья *(крестится)*.—Ну, слава те Христу... Старик хороший, справедливый, Кувалда-то.

Семка.—Чего лучше. Он меня в книжку читать обучил. Антиресно...

Наташа.—Ну, что же он говорил? Что хочет делать-то?

Старик *(мнется)*.—Да что, ягодка... Как тебе сказать?.. Все дочь свою вспоминает. В Расеи, вишь, она... Я, грит, ее совсем маленькой оставил-то... несмыслёнышем. А сам-то он за мирское дело здеся: исправнику в морду что ли дал...

Наташа. — Отец... Это, дедушка, отец мой. Да—отец.

Старик.—Вот, вот. На тебя, слышь, и он-то мекает... Вроде, говорит, она.

Марья.—Господи, Царь небесный...

(Старик садится к столу, за которым хозяйничает Марья. Пров и Семка жадно пьют чай. Семка обжигается.)

Пров.—Правда, что же делать-то? *(К старику.)* У тебя конь здесь?

Старик.—Здесь.

Пров.—Нешто сгонять за Кувалдой-то? Али нам к нему. Наталья Митревна, как? Да ты садись. Будет ходить-то.

Наташа.—К нему, Пров Никитич, к нему. *(Садится, берет чашку. Руки дрожат.)*

Старик.—Пошто к нему? Сюда надо его тащить. Пров живчиком слетает. До Семи Ручьев на лошади, а там на лыжах.

Марья.—А старика-то как? Поди, на лыжах-то не может.

Пров.—Мало горя. Я его на закукры.

Старик.—Хе, ну и чорт. Этакий ты верзила, парень. А?

Семка *(захлебываясь в улыбке)*.—Он раз коня на себе тащил. Подлез под брюхо, облапил, да и попер. А старик ему—раз плюнуть.

(Один из спящих бредит во сне: «Стой. Стой. Стой!»)

Семка *(смешливо)*.—Сам стой, а я посижу. Хы-хы-хы.

Старик.—Кто это?

Марья.—Так, проходящие какие-то. Нажравшись... пьяней грязи.

Пров.—Ну-к я пойду. Благословляйте.

Наташа.—А вдруг тот... Я боюсь, Пров Никитич.

Пров.—Кто это? Пристав-то? Да он теперича целую неделю будет водку трескать. Не бойся, Митревна. Вот старик с молодцом покараулят.

Старик и Семка.—Вестимо, вестимо... Чего там толковать.

(Вдруг один из спящих забормотал-забормотал во сне, вскочил и пьяно засовался по избе.)

Пьяный.—Держи его... держи, держи.

Пров.—Эк тебя нечистики-то носят.

Старик.—Сдурел, язви тя!

Марья.—Чтоб тебя розорвало, перепугал как!

Пьяный *(остановился, поцапал голову, поцапал спину и, пошатываясь, прохрипел)*.—Которого?

Семка.—Хы-хы-хы. Язви тя! Что, не узнал?

Пьяный *(невнятно что-то бормочет, почесываясь)*.

Семка.—Кричи громчей, я без очков не слышу!

Пьяный. — Тьфу! *(Качнулся и шлепнулся на пол.)* Выпить-ба... Водченки-ба.

Марья.—Ложись, дрыхни... Нечего по пустому хрюкать-то... Свинья такой. *(Обращаясь к Прову.)* Эвота они что наделали, жрали винище, да и растабарывали, а я одним ухом и того... Вели они, вишь ты, из Якутскова, значит, в Иркутской город сумасшедшего, быдто царского преступника. А он у них невдалечке отсюдова возьми да и вырвись, да и был таков. Ну, им, значит, самим за это каторга.

Старик.—А-а-а... Занятно.

Марья. — Да. Потому преступник-то очень даже главный.

Пьяный *(сидя на полу и раскачиваясь)*.—Ври, ври... Обмылок этакий. Дай-ка винца чуток... Ей-Бог... Башка трещит. *(Затягивает песню:)*

Голова ты моя удалая,
Долго ль буду носить я тебя...

Пров.—Замолчь, чорт! Ну-ка, Марья, что дале-то.

Пьяный *(поет)*.—

Али горе, кручинушка злая
Похоронит в могиле меня...

Марья.—Что им делать-то? Они возьми да и сграбастай встречного человека, прохожего какого - то... молодой, говорят... да замест сумасшедшего на этап-то и предоставили.

Пьяный.—Ври, ври, обмылок...

Марья.—И гумагу, значит, отдали начальству. В гумаге-то, значит, прописано: «мол, вот, сумасшедший пересылается в больницию и все такое», гумага-то эта у них, значит, была... Сумасшедший-то убег, а паспорт то евоный у них... Так тот за бешеного и пошел. Новый-то, которого пымали-то...

Пров.—Ничего... Удумали ладно.

Старик.—Вот черти... Вот псы... Дак как же это, ребята, вы человека-то понапрасну загубили, а?

Марья.—Страсть, говорят, кричал... Я, мол, не я, а другой. Я, мол, не сумасшедший, да ругаться стал. Ну, его, значит, лупить. Да вы расспросите их самих. Эй ты, дяд!

Пьяный *(поет)*.—Голова ты моя удалая...

Марья.—О, штоб те сдохнуть!

Пьяный *(поет)*.—Долго ль буду носить я тебя...

Наташа *(все время удивленно смотрит на всех широко открытыми глазами)*.—Что же это такое? Какой-то кошмар... Ведь это ж... Ведь...

Пьяный.—А-ля-ля, а-ля-ля... А-ляля-ля...

Пров *(встает, подходит к пьяному, поднимает его за шиворот)*.—Говори, верно это? Верно, язви тя?!

Пьяный.—Ве-е-верно... Задушишь... Ослобони...

Пров.—Кажи сумку!.. Где документ, где расписка? Под расписку сдали?

Пьяный.—Брось, пусти... У товаришша... У его...

Пров *(к спящему)*. — Эй, ты, вставай! Чувырло! Марья, брякни ему по башке-то клюкой. Ишь, храпит.

Марья *(подскакивая к сонному)*.—Да очкнись ты. Чего ты быдто барбоска всхрапываешь!

Семка.—Ужо ко я, тетка Марья. *(Подскакивает, бросает возле спящего медный таз, во все горло орет.)* Ведмедь, ведмедь!

2-й пьяный *(кубарем катится к порогу)*.—Чур, чур меня. Чур!

Семка *(задыхаясь от смеха)*.—Реви громчей! Я без очков не слышу.

Пров *(все еще держа за ворот первого пьяного, идет ко второму и хватает и его)*.—Сумка! Где сумка? Где бумага?

1-й пьяный.—А ты что за синатор такой?

Пров.—Сумку!!

2-й пьяный.—В изголовьи... Караул, батюшки...

Семка *(роется в изголовьи)*.—Эвот она!

Пров (*бросает пьяных на пол*).—Ну-ка, Митревна, рассмотри.

Наташа (*трясущимися руками раскрывает кожаную сумку, вынимает бумаги. Пров, старик и Марья жадно смотрят на ее руки. Семка подымает пьяных, усаживает на лавку, подает им ковш воды*).

Пров.—Ну-ка, чего тут есть.

Наташа (*порывисто отстраняет от себя бумаги, хватается за голову*).—Сергей... Что ж они наделали... Ведь моего Сергея схватили... Пров Никитич, Пров Никитич... Люди добрые! Дедушка...

Пров.—Это замест сумасшедшего-то? Лловко. Эй, вы! Где его нашли, а?!

Пьяные (*бормочут*).—Подашь, нет?.. Хошь по стакашку. Дюже мутит...

Пров (*безнадежно машет рукой*).—А ну их... Значит он, видно, сбежал из рестантской партии-то, да им в лапы и попался. Значит, так. Ну, дела.

Наташа (*плачет*).—Что ж мне делать? Ведь я одна, одна здесь...

Пров.—Не плачь, Митревна. Постой-постой, дай в соображенье взять. Фу-ты пес, аж башка в круги идет. Значит, сбежал твой Сергей. Сбежал... Та-ак...

Марья.—Не убивайся, ягодка. Не кручинься...

Наташа (*вытирая слезы*).—Ничего... Дайте собраться с силами. Надо быть крепкой...

Старик.—Бог поможет, вызволим как не то. Молодца-то.

Пров (*энергично*).—Вызволим, Митревна... Поверь! (*Бьет себя в грудь.*)

Наташа (*трясет паспортом Сергея*).—Надо сейчас же заявить... Телеграфировать... Я к губернатору поеду, в город...

Старик.—Ха, ты сшутила... Две тыщи верст до городу-то.

Наташа.—Где этап-то, Пров Никитич? Пойдем, пожалуйста. Ради Бога, скорей!

Старик.—Ах, чудная! Да нешто поверят тебе? Поизгаляются.

Пров.—А я ежели объявлюсь—схватят да и замуруют. *(К старику)*. Ведь я, дедка, политических, где Сергей-то, с Красного Лога до нашего села вел. В понятых был. От пристава вот в это место получил. *(Показывает на щеку.)* Да Митревна расскажет. Недосуг мне. *(Собирается.)*

Марья *(крестится)*. — Богородица Диворадуйся... Значит твово вроде как сродственника те алманы-то сдали?

Наташа.—Жених мой.

Марья *(крестится и сморкается)*.—Никола угодник батюшка. Ох-тих-ти...

Пьяные *(сначала один, потом другой)*.—

Голова ты моя удалая,
Долго ль буду носить я тебя...
Али горе, кручи...

Пров.—Замолчь! Семка, выбрасывай их к чортовой матери за дверь! Вот завтра потолкуем с ними.

Семка *(волочит их)*.—Айда, айда. Да не карячься. Ползи на черну избу! Хы-хы-хы. Чего? *(Выталкивает их за дверь.)* Очень даже просто. Хы-хы-хы...

Пров.—Ну, так ли, сяк ли, а за стариком надо... *(В сенцах поет петух.)* Эвот как... Петухи уж горланят.

(Пров уходит. Наташа задумчиво сидит, подперев рукой голову. Марья собирает со стола. Семка присаживается готовить к завтрашнему дню дробь, порох. Старик свежует белок.)

Старик.—Вот белок посвежевать надо... Сиводушка добрецкая... А эта подпаль — дрянь. А ты, девонька,

опять головушку повесила? Тяжко? Эх, милая, понимаю. Ау, брат... А ты возьми сердце-то в зубы, укрепись... На меня, мол, все напасти, а я не поддамся, не покорюсь, всё, мол, стерплю и сызнова человеком стану. Вот что. А ежели сразу руки опустить—шабаш тогда, так в омут и утащит... Отчаянье нападет, тоска... Жизнь, девонька, мудрящая штука.

Марья. — Ох, грехи, грехи... Как и умирать-то будем.

Старик.—Всякому своя планида в небе. Куда планида клонит, туда и судьба прёт. Вот как.

Семка.—А у меня варакуль Соломона есть. Чичас горошинку бросил, куда падет, тут те и судьба.

Марья.—Гадаешь, что ль, по варакулу-то?

Семка.—Очень просто. Девкам боле гадаю-то. Хы-хы-хы.

Марья.—Чего ж ты им вычитывашь?

Семка.—Всяко. А главным делом вру. Хы-хы-хы. Пришла как-то Варюха Антонова. Толстомясая этакая, гладкая, что твоя телка доморощеная. Сгадай да сгадай по варакулу. Ну, бросил я горошинку и вычитываю вроде как предсказанье (*Читает нараспев:*) Царь Соломон говорит—Варвара должна обнаковенно кажинный Божий день целовать-миловать Семку-охотника. В таком разе случится, мол, вполне неопределенное счастье и антирес.

Марья и старик (*хохочут*).—Ну, а Варька?

Семка.—Хы-хы-хы. Раз варакул предсказал, Варька уж не перечит. Хы... А тут Таньке таким же пбытом предсказанье допустил, а опосля всего этого Глашутке... А тут...

Марья.—Ха-ха-ха. Вот так охальник!

Семка.—До того допредсказывался с этим самым царем Соломоном, будь он проклят, даже ужасти. Парни едва-едва не укокошили. В трех местах башку

прошибли, язви их. *(Трет голову. Марья и старик хохочут.)*

Марья. — А ну, соври ошо что нинабудь потолще.

Семка.—Пошто соври? Это быль. Даже можешь вполне пощупать. *(Подставляет голову.)* Ишь, кака болонища вспрыгнула.

Марья.—Недавно, что ли?

Семка.—Ково это? Бока-то помяли мне? А как Глашутке полнóе предсказанье судьбы вышло от меня, тут мне и наклали. Еле на карачках уполз. Язви их. Хы-хы-хы. *(Трет затылок.)*

(Во дворе слышен скрип полозьев, говор, шаги.)

Старик.—Это кто же такое подкатил?

Наташа *(испуганно.)*—Кто? Что такое?! *(Вскакивает.)*

(Отворяется дверь, входит закутанный башлыком пристав.)

Пристав.—А-а-а, касаточка. Вот ты, черный соболь, где обретаешься. *(Направляется к ней.)* Ручку.

Наташа.—Дедушка, дедушка!

Старик.—Не трог девку!

Пристав.—Что ты, касаточка. Я же только ручку поцеловать. *(Берет за руку, та рвется.)*

Наташа.—Да что же это.

Старик.—Пошто девку трожишь, не трог. А то мы те... Эй, Семка!

Наташа.—Пров Никитич! Господи. Позовите! Догоните!

Пристав.—Что, ружья? Не помогут. Я вас на первой же осине. Вон, вон! *(Грозит им револьвером.)* Не заставляй меня, старик, над тобой пыхтеть. *(К Марье.)* Беглянок принимать?!

Марья.—Ой, ну тя! Застрелишь. Барин, не дури!

Семка.—Уж больно ты ловок, твое благородье. *(Все трое сгрудились возле двери. Наташа бежит к ним, пристав загораживает ей дорогу.)*

Пристав.—Куда? Стоп, машина! А вы — марш! марш!

Марья *(выходя)*.—За Провом скорей надо.

Семка.—Чичас. Единым духом!

Пристав *(кричит в дверь.)*—Эй, стражники! *(В полуоткрытой двери показываются фигуры стражников.)* Чтоб на чеку быть! Не спать!

Голоса.—Рады стараться, ваш...

Пристав *(закрывает дверь.)*

Наташа *(стоит у стола во властной позе, высоко подняв голову и с презрительной ненавистью смотрит на похохатывающего и потирающего руки пристава)*.

Пристав *(вдруг встряхивается, точно сбрасывая что-то с плеч, выражение лица меняется)*.—Наташа... Простите, что так назвал вас... Не знаю вашего отчества...

Наташа.—Негодный вы человек, низкий вы человек.

Пристав.—Негодный, низкий, да... Согласен. И от вас, Наташа, зависит, чтоб я стал снова человеком. Наташа, буду краток. Наташа, время не ждет.

Наташа.—Что вы этим хотите сказать?

Пристав *(всплескивает руками)*.—Я люблю вас. Поймите, люблю. Вам странно?

Наташа.—Более того: мерзко. Вчерашний насильник, сегодня хочет...

Пристав.—Ах, не вспоминайте. Но позвольте открыть свою душу. Почему я такой? От обстоятельств: эта глушь, тьма, разбои... Да тут поневоле обратишься в пьяницу и палача.

Наташа.—Слова ваши—пустой звук. Они возбуждают во мне еще бóльшую ненависть.

Пристав *(садится на край скамьи возле Наташи)*.— Вы передовая женщина. Вы нужны там. Ваша красота должна светить миру.

Наташа.—Замолчите! Противно мне.

Пристав.—И ради чего вы хотите губить свою молодость, свою дивную красоту?

Наташа *(сверкая глазами)*.—Ха! губить молодость. Презренный наглец. Кто хотел погубить мою молодость? Вспомните ту ночь...

Пристав.—Позвольте, позвольте. И ради Бога простите. Ради Бога... Был пьян, был груб... Сам сатана владел моей душой. Теперь взываю к вашей доброте, к вашему юному сердцу. Бросьте своего каторжника. Не ходите за ним. Останьтесь.

Наташа.—Вот, взгляните на этот документ. *(Передает ему бумагу.)* Что с моим Сергеем сделали ваши подчиненные.

Пристав.—В чем дело? *(Рассматривает документ.)*

Наташа.—Стражники вели в Иркутск сумасшедшего, он убежал от них, они поймали Сергея, который перед тем тоже, видимо, бежал из партии арестантов, и сдали его на этапе вместо сумасшедшего, под его фамилией.

Пристав.—Да, да, да... Вон что.

Наташа. Я вас прошу помочь. Это нечто вопиющее.

Пристав.—Будьте моей любовницей, тогда все можно.

Наташа.—Да вы рехнулись! Как вы смеете!

Пристав.—Выбирайте сами. Ваш Сергей по моему приказу вновь будет Сергеем Бугровым и пойдет дальше в ссылку в своем уме и твердой памяти. Или, если не согласны быть моей, то вашего нареченного больше на белом свете нет: есть Иосиф Качульский, сумасшедший, его отвезут в желтый дом, там он и сгниет заживо. Выбирайте.

Наташа *(все время ломает руки, закрывает лицо, трясет головой)*.—Наглец! Подлый наглец!

Пристав.—Это ваше последнее слово? Напрасно. Документик-то вот он. Тут вашему Сергею гроб. Больше нет вашего Сергея. Ха-ха-ха. Отлично.

Наташа.—Отдайте документы!

Пристав.—Что-о? Благодарю покорно.

Наташа.—Отдай, негодяй, отдай!

Пристав.—Ха-ха-ха!.. Полюби, красотка.

Наташа *(плюет ему в лицо, схватывает лежавший на столе нож и ударяет пристава в щеку)*.

Пристав.—Ах, вот ты как! Покушение на должностное лицо? Ну, ты теперь моя. *(Открывает дверь, свистит в свисток, прибегают стражники.)* Взять ее! Взять вещественное доказательство—ножик. Глядите, ребята, на лице кровь. Запомните.

Наташа *(со стоном падает на лавку)*.

Пристав.—В острог ее! На этап!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ.

Этап. Общее помещенье. Нары. Параша. Окованная железом дверь с решетчатым оконцем-глазком. Два фонаря по стенам. Достаточно светло. Но у играющих в карты горит огарок. Близ авансцены на нарах сидит Наташа. Она в арестантском бушлате. Плачет. Некоторые тоже сидят на нарах, чинят одежду. Пробка, лохматый, свирепого вида, заложив руки назад, ходит взад-вперед. Останавливается то возле играющих, то возле Наташи. Играют в карты свирепо. Слышен хохот, возгласы:

— Чей туз? Майданщик, твой?
— Ему карта валом валит.
— Фартовик, чорт.
— Эх, ехала бабушка на дедушке...
— Фарт на фарт.
— Эй, дольщик, сыпь!
— Бита!
— Портки заложил, рубаха в гору.
— Прочь, сопля, наша берет!

Пробка *(останавливаясь возле Наташи, говорит в интервалы между возгласами картежников).*—Эх, девка... Чего ты нюни-то распустила? Канючит и канючит. Не канючь, Христа ради. И без тебя невесело. *(Уходит к игрокам.)*

Картежники.—Жулики вы!
— Сам шнифер... Снеток этакий.
— Грохни ему по арбузу-то, чтоб мозгà вон!
— Бултыхни его башкой в парашу.
— Двинь его! Дай банку по нюхалке!
— Стой, шпана! Надзиратель идет.
— Туши свечу!

(Картежники забирают карты, деньги, гасят свечу.)

Пробка *(возле Наташи).*—Мы тебя, девка, не потрòжим... Ничего. Не бойся, говорю. Забиждать званья не возьмем. *(Достает из-за рубахи баранку.)* На-ко вот...

Арестанты.—Пошто свечу задули? Кобедь, поди, дрыхнет уж...

— Ну, давайте в таком разе песню.

— Погодь чуток... Дай майдан скоронить.

— Блямба, заводи.

Пробка *(Наташе).* — Ужо чего не то веселенькое загнем...

Голос. — Ну, Блямба, командовай по всем статьям. Где у тебя камартон-то?

Блямба.—Айдà!

(Все усаживаются. Блямба берет швабру, становится дубом на табуретку, ударяет молодого арестанта по голове шваброй и действует ею как камертоном. Арестанты смеются.)

Блямба *(задает тон).*—Фалядоляфа. Ну, варнацкую. *(Запевает:)*

Ветер дует, дождь шумит...

Хор.—Сама я про то не знаю,
Которого с трех любить.

Молодой арестант. — Не ладится чего-то, черти. Бросай!

Голоса. — И то. А что же делать-то?

Молодой... — А вот что, черти... Зачем это палача седни привели?

Голоса. — Ну? Ты видел? Брешешь, анафема?

Молодой. — Нет, черти. Истинный Бог, правда.

(Наташа прислушивается. Порывается спросить.)

Голоса. — Кого-нибудь вздернут.

Молодой. — А вот увидим, черти... Я еще что-то знаю. Сказать, черти, нет? Седни к нам новеньких при-

ведут. Старика да молодого... Чалдона. Надзирателев повар сказывал.

Голоса. — Заливаешь, жиган.

Молодой. — Истинный Бог, не вру. Давайте, черти, кота гонять.

Голоса. — Кота гонять? Идет... Ребята, кота гонять... Кота гонят... новенького... Чу, ведут, кажись.

(Слышен звон отпираемых дверей.)

Голоса. — По местам, ложись! Пробка, эй ты, не зевай. Будем кота гонять.

Пробка. — Знаю... Дай-ка мыло сюда.

Молодой. — Больше пены натри... Чтоб настоящим бешеным оказывать.

Пробка.—Знаю, щенячья шерсть, не учи... Дай-ко шило. Я его в холку чекалдыкну.

(Отворяется дверь, вводят Семку. Он дико озирается.)

Семка. — Ваше благородие, ослобони... Ослобони, ради Христа... За что же это?

Надзиратель.—Не рассуждай, морда. Пшел... Дайте ему, ребята, место.

(Вводят старика Кувалду. Кисть левой руки у него обмотана большой тряпицей. Крестится.)

Надзиратель.—Дайте место старику... Пшел, старый хрыч, вон туда в угол.

Наташа *(бросается к нему)*.—Отец! Отец!..

Кувалда *(пятится, крестится, бросается к дочери. Целуются)*.

Надзиратель.—Не миндальничать! *(Трясет плеткой.)* Марш по местам! Ложись! Я вам, дьяволы! Шкуры спущу... *(Уходит.)* Часовые, строгий караул держать... В случае чего—за мной...

(Дверь запирается. Арестанты лежат смирно. Наташа встает, идет к нарам

Кувалды, опускается пред ним на колени. Кувалда приподымается с нар, свешивает ноги, гладит голову Наташи. Неслышно беседуют. Арестанты тем временем начинают разыгрывать комедию. Пробка ходит взад-вперед, размахивает руками, бормочет что-то.)

Арестанты. — Вот опять, не сказали, черти, надзирателю-то.

— А что?

— Опять на него находит, на Пробку-то. Ишь, руками размахивает...

— Сказывали... Да не больно-то слушает...

— Так как же, черти, быть-то? Ведь он, Пробка-то, нас всех ночью перережет. Ишь, пена у него валит, как у поповой собаки... Сбесился.

— А ножи-то спрятаны?

— Спрятаны, не найдет.

— Крепче ножи прячьте, черти!.. Сбесился он. Ишь, ишь.

(Пробка достает тихонько из-за голенища нож и сверкает им в воздухе. Все вскакивают и кричат:—Нож!.. нож!.. У Пробки нож!.. Нож!.. Вскакивает и Семка. Лицо искажено страхом.)

Пробка. — Зарежу. Убью. *(Хрипло взлаивает.)*

(Все начинают прятаться по углам, залезают под нары, жмутся возле стен.)

Пробка.—Кто мою жану целовал, сказывай! Зарежу. *(Стоит на месте и обводит всех диким взглядом.)* Кто мою жонку миловал?

(Робкие голоса сначала шопотом, как школьники, подсказывают, потом громче и громче:)

— Новенький... Новенький... Новенький... Новенький!

Пробка. — Который?

Голоса. — А вот чалдон-то... Мордастый-то...

Пробка *(начинает как зверь подкрадываться к заметавшемуся в страхе Семке).*

Семка. — Ай-ай! Батюшки!..

Пробка *(шаг за шагом тихонько надвигается на него, потом начинает за ним бегать).*—Ты, чалдон, мою жонку целовал, ты?!

Семка. — Врут они. Ай-ай! Вот Хсто не я... Кого хошь спроси.

Голоса. — Он, он...

Семка. — Вот Хсто не я!..

Голоса. — Лезь, чалдон, на стол. Лезь на стол. Тогда не тронет.

(Семка карабкается на стол. Пробка крадется к нему, вот-вот вонзит нож. Семка соскакивает.)

Голоса. — Ложись, чалдон, брюхом на нары... Дрыгай ногами... Не тронет...

(Семка так и делает. Пробка подкрадывается к нему. Семка убегает, кружится возле параши.)

Голоса.—Эй, чалдон!.. Вставай скорей на карачки, патретом к нему... Тогда не тронет. Ей-Бог, не тронет...

(Обезумевший Семка встает на карачки, задом к Пробке.)

Голоса.—Пяться патретом на него. Ей-Бог не тронет...

(Пробка бросается на него. Семка с воем вскакивает и вновь носится по камере.)

Наташа *(кричит).*—Слушайте, прекратите! Ведь он его зарежет...

Кувалда.—Друзья!.. Миленькие... Что же это... Ребятушки!.. *(Складывает молитвенно руки. К Пробке.)* Дядя, слушай, очнись!

Пробка (*не обращая внимания, ловит Семку*).

Наташа.—Часовой! Часовой! (*Бежит к оконцу.*)

Пробка.—Попался, чорт! Я те взвошу... За жонку за свою... Я те взвошу! (*Ударяет Семку в холку шилом. Семка валится на пол и орет.*)

Семка.—Убил. Убил!.. Прикончил...

Часовой (*просовывает в окошко винтовку, кричит*).—Эй, вы, кобылка! Стрелять буду!

Голоса (*Семке*).—Чего, чалдон, орешь... Ведь он тебя не ножем, а шилом... Чуть-чуть...

Пробка (*утирая с губ пену*).—Ведь это игра... Потеха...

Семка (*вскакивает, радостно*).—Хы-хы-хы. Нешто игра это? А я думал всамдели... Хы-хы-хы!

Часовой.—Марш по местам!.. Стрелять буду.

Семка.—Хы-хы-хы. Кричи громчей!.. Я без очков не слышу! Ни пирим-хирим! (*Все смеются.*)

Молодой арестант.—Эй, служба. Дозволь поиграть... Что мы, каторжные, что ли?

Семка.—Хы-хы-хы. А кто же вы?

Пробка.—Ты что, щенячья шерсть, гогочешь?

Голоса.—Ему еще в тѐзево-то не всыпа̀ли плеткой...

— А вот всыплют... А то и в петлю вздернут... Дрыг-дрыг ножками. Вот палач придет.

Семка (*изменяется в лице, плачет, утираясь рукавом бушлата*).

Пробка.—Ты что, чалдон? По мамкиной сиське стосковался? Какой ты к чортовой бабушке рестант?.. Колпак ты бабий, а не рестант.

Семка. — Страшно, дяденька. Я боюсь. Я—молодой. Я убёг бы отсель, дяденька... А? Голубчик, дяденька. (*Кричит Кувалде.*) Дедушка! Голубчик ты мой! Куда мы это с тобой попали-то?

(*Арестанты хохочут. Кувалда и Наташа возле оконца беседуют.*)

Пробка.—А ты на чем, щенок, засыпался?

Семка *(утирая слезы)*.—Ково это?

Молодой арестант.—За что попал-то?

Семка.—А я, значит, за Провом побежал, там женчина была одна у Марьи, у мукосейки. Вдруг, значит, пристав. Я и побёг за Провом... А Пров-то за Кувалдой. А Кувалда-то в зимовье спасался...

Молодой арестант. — Вы что - нибудь поняли, ребята?

Голоса.—Чорт его поймет! Ха-ха.

Семка.—Пристав бац-бац из револьверта, это в Прова-то. Мимо! Мы тут с Кувалдой со страху и ляпнулись на снег.

Арестанты *(хохочут)*.—Храбёр...

Семка.—Нас в чижовку. Боле недели мы клопов кормили, да сюда...

Молодой арестант.—Давайте, черти, в игру играть. Давайте бабушку хоронить.

Семка *(улыбаясь)*.—Давайте. А не страшная?

Арестанты *(хохочут)*.—Веселая... Не страшная.

Семка.—Хы-хы-хы... Это мы едим.

Пробка.—Ну, кто будет бабушкой... Окурок, ты, штоль? Одевай его, ребята... А я попом... Дай-ка бушлат сюда...

Семка.—А я кем? Хы-хы-хы...

(Арестанты вытаскивают на середину скамейку. Окурка одевают бабушкой, повязывают платком. Окурок ложится на лавку, руки складывает на груди, как покойник. Пробка одевается попом, из бушлата делает род ризы, на голову колпак-скуфью. Вьют из полотенца жгут, на конце заматывают груз, получается кадило. Семка ходит от одного к другому, улыбается.)

Кувалда *(садится на нары).*—Радость моя. Всё смотрел бы на тебя и глаз не отрывал бы... Доченька...

Наташа *(целует ему руку).*—Батюшка, родимый мой... Чуть-чуть помню тебя...

Кувалда.—Эх, доченька, доченька: Горькая мне досталась доля. Всё ждал, всё думал: увидимся, мол, напоследочки, а там и в могилу можно. И вот как встретились с тобой, в каком месте. И стыдно мне, Наташенька, и больно...

Наташа *(опускаясь на колени).*—Ну, батюшка... Не горюй.

Кувалда.—Вот как больно. Этакому коршуну в лапы ты попала. За что? Где искать защиты? Откуда правды ждать?.. Эх, горе наше...

Наташа.—Ну, я-то еще выкручусь. А вот Сергей... Ведь погибает он... А без Сергея и мне не жить, отец...

Кувалда.—Что ты, что ты!.. Христос с тобой... *(Крестится.)*

Наташа.—Погиб Сергей... *(Плачет.)*

Семка *(подходит).*—Никак ты, Митревна?

Наташа.—Здравствуй, милый.

Семка.—Вот оказия-то. А? *(Кричит.)* Готово, что ль? Чего копаетесь? *(Идет к арестантам.)*

Голоса.—Ишь, обормот. Ему неймется.

Семка. — Хы-хы-хы... Уж антиресно очень... Страсть...

Голоса.—Становись, ребята, в круг... Служи панафиду.

Кувалда.—Опять озорство у них.

Наташа.—Пойдем в уголок, отец.

(Арестанты становятся кучей возле лежащей на лавке бабушки-покойницы. Впереди всех поп-Пробка с кадилом. И Семка в толпе.)

Голос.—Начинай, ребята. Отец Вострофуил, орудуй!

Пробка *(взмахивает кадилом)*.—На-чнё-ом!

Хор.—В намастырском дворе у Клементия
У игумена у мошенника.

Пробка *(фальцетом, по церковному)*.—Чья эта корова к нам во двор зашла?..

Семка *(разинув рот, удивленно слушает, крестится)*.

Хор.—Все монахи взбунтовалися,
Не хотят идти къ обеденке.

Пробка *(тем же гнусавым тенористым голосом)*.—Чья это корова к нам во двор зашла?

Семка.—Хы-хы-хы.

Молодой арестант *(дает ему подзатыльника)*.—В доме покойница, а ты ржешь. Дурак!

Семка.—Уж очень антиресно. Корова, говорит... Хы-хы-хы. *(Крестится усердней.)*

Хор.—Не спеть ли нам, братия, что-нибудь?
Не спеть ли нам, братия, что-нибудь?
Спели бы, да не знаем что,
Спели бы, да не знаем что.

Пробка *(машет кадилом)*.—Чья это корова к нам во двор зашла?

Семка.—Антиресно... Хы-хы-хы... *(Опять ему дают подзатыльник. Семка крестится.)*

Хор.—Споемте, братия, ярославский стих,
Споемте, братия, ярославский стих.
Споё-о-ом...

(Вдруг плясовая, залихватская, с присвистом, гиканьем, пляской, звенят кандалы. Пробка, заломив скуфью на ухо, тоже отплясывает, помахивая кадилом.)

Повадился духовный
К девушке ходить,
Как ко девушке ходить
И гостинцы ей носить.

Увидали попа
Два старца из окна.
Поп в баню под полок
Едва ноги уволок.

Тогда начали попу
За молебен отдавать
По здухам бить обухам,

По ногам батогам,
По бокам кулакам,
По плечам кирпичам,
Против сердца молотам!

Пробка.—Стоп, собачки!.. Прощайся с бабушкой.

Кувалда *(подходит)*.—Богохульство это... Эх, вы, народ... Непутящий вы народ. Бога гневите.

Голоса.—Ну, ты, святоша... Что здесь ниверситет, что ли?.. Здесь Бога нету. Чорт здесь.

Молодой арестант.—Бога мы не ворошим. Бог не при чем тут... Думаешь неверы мы. Ого.

Голоса.—В настоящего-то Бога еще почище кого другого верим... Старый пес... *(Кувалда машет рукой и отходит.)*

(Все поочереди подходят, кланяются бабушке и целуют сложенные на груди руки.)

Семка *(рвется, его удерживают)*.—Дай, я прощусь. Допусти же... Ну, допусти!

Молодой арестант.—Успеешь угореть-то.

Семка.—Допусти к покойнице... Антиресно.

Молодой арестант.—Не спеши, чалдон.

Семка.—Да чего они... Ах ты, язви!.. Ужо-ко я... *(Очередь доходит до Семки.)*

Молодой арестант.—Ну, иди. *(Прыскает смехом.)*

Семка *(подскакивает, нагибается, чтоб поцеловать руки)*.—О, бабушка-то кака... Что твой дедушка. С бо-

родищей. *(В это время бабушка схватывает Семку за шею и крепко прижимает его лицо к своей груди. А поп при общем хохоте лупит кадилом извивающегося Семку. Семка хрипит. Наконец вырывается и, взбешенный, набрасывается на Пробку.)*

Семка.—Ах ты, чорт! Ты омманывать?!. Омманывать?!. *(Срывает с ноги сапог и волоча онучу по полу, об одном сапоге бегает за притворно испугавшимся Пробкой.)*

Голоса.—Ну, будет, будет... Давайте заунывную. Эй, Блямба!..

Семка *(потный садится среди пола, отдувается)*.— Фу ты, мать честная. Как здорово напарили мне зад-от... Я думал игра, а тут всамдели...

Блямба *(запевает речитативом)*.—

В темнице несносной
Разбойничек сидит,
Ждет смерти он поносной,
Себе так говорит...

Хор.—Ждет смерти он поносной,
Себе так говорит.

(Мотив протяжный, грустный. Кувалда и Наташа подходят, останавливаются у стены. Наташа слушает, потупив голову.)

Блямба.—

Ну, долго ль мне плакать,
Судей умолять,
Что ж медлят кнутами
Меня наказать?..

Хор.—Что ж медлят кнутами
Меня наказать?

(Наташа утыкается лицом в стену. Кувалда утешает ее.)

Блямба. —

Но вот застучали
Солдаты у дверей,
Штыки засверкали
Померкло на устах...

(В коридоре слышно движение, топот ног, голоса, звяканье ключей.)

Хор.—Но вот застучали
Солдаты у дверей...

(Голоса постепенно отстают. Отпираются двери.)

Три голоса *(неуверенно)*. — Штыки - и за-сверка-...ли...

(Входят солдаты, пристав и надзиратель.)

(Наступает тишина. Наташа, увидев пристава, вскрикивает и падает на руки Кувалды.)

Пристав *(пьяный с нагайкой)*.—Сми-ррр-на!..Это что? Песни?.. Революция?.. Я вам покажу революцию! Часовой! Что смотришь? Все зубы вышибу... На двое суток под ружье!.. *(Идет к арестантам.)* Марш по местам. Марш!..

(Арестанты гурьбой, толкая друг друга, прут к нарам, укладываются. Пристав то одного, то другого вытягивает нагайкой.)

Старый арестант*(огрызаясь)*.—Ну,ты,не больно-то..

Пристав.—А-а, тебе не больно? Не больно? *(Дерет.)* Нна тебе, нна тебе, каналья! Нна!

(Слышится сдержанный ропот.)

Пристав.—Молчать! *(Топает ногой.)* Кто я вам, сукины дети? А? Я вам отец. Я вам царь и Бог... За здоровье государя императора—ура!

Семка *(один)*.—Урра-аа!..

Пристав *(обращаясь в сторону конвойных)*.—Урра!

Конвойные и надзиратель.—Урра!

Пристав.—Молодцы, ребята. Спасибо... По чарке водки!

Конвой.—Рады стараться, ваш...

Пристав.—Что?.. Молчать! *(К надзирателю.)* И тебе, старик, спасибо... Здорово угостил... Эх, запеканочка, рябиновочка, коньячек... Люблю! *(Целует концы пальцев.)* А революции не верь... Враки! Впрочем, всё на свете трын-трава, старик...

Надзиратель.—Так точно...

Пристав *(подходит к Наташе)*.—Ага! С Милитрисой Кирбитьевной обморок. Истерика. Вспрыснуть водой. Живо! *(Вынимает бумагу.)* А документик-то вот он... Ха-ха-ха... Что? Нечего большие глаза делать. Поздно-с.

Наташа.—Зачем вы пришли сюда?

Пристав.—А тебе какое дело, арестантка!

Наташа.—Зверь вы, а не человек.

Пристав.—Ты забываешь, кто пред тобой стоит. Молчать, арестантка!

Голос.—Он пьяный, чорт.

Наташа.—Люди, слышите. Я теперь скажу. Скажу! *(Кричит.)* Он приходил в женскую камеру, приставал ко мне... Теперь бросил меня сюда!.. И опять пришел... Гнусный вы человек. Я буду жаловаться, буду кричать, я убью себя! Где мой Сергей? Где?!

Пристав.—Замолчи! Заткните ей штыком хайло.

Наташа.—Изверг! Изверг!

Кувалда.—Лиходей ты, мучитель.

Пристав.—Что? Эй, позвать сюда палача.

Надзиратель.—Слушаюсь. *(Бросается к выходу.)*

Арестанты.—Палач... Палач идет...

Пристав *(надзирателю)*.—Стой-стой. Взять из седьмой камеры арестанта Иосифа Качульского...

*

Наташа.—Сергея... Сергея моего.

Пристав.—Всыпать сто кнутов. Двести кнутов! Смертным боем. Я вам покажу революцию! Смертным боем!!

Наташа *(у нее слабеют ноги, опускается на пол, стонет)*.

Пристав *(указывая на нее)*.—Взять!

Кувалда.—Побойся ты Бога.

Пристав.—Цыть ты!

Кувалда.—Ведь будешь сам издыхать когда не то...

(Наташу схватывают, волокут.)

Наташа.—Отец... Люди... Спасите... Пощадите... Прощай, отец!..

Голоса арестантов.—Чего, ребята, смотрите... Вставай!..

Кувалда *(на коленях ползет)*.—Ваше благородие, Богом прошу... Умоляю... Дочь ведь она мне... Пожалей седины мои...

Пристав.—Прочь. *(Бьет нагайкой.)* Взять его. Перетолочь все ребра!

Голоса *(злобно)*.—Самому перетолчем...

Кувалда.—Сердце-то... Сердце-то есть ли в тебе... Душа-то... Пёс, гадина.

Голоса *(громче)*.—Не имет права без суда. Пошто палачу человека отдал? Пошто девку уволок? Прокурору надо...

Пристав *(выхватывает револьвер)*.—Что?.. Стрелять буду! Мне трын-трава теперь! Всё утоплю в крови. К чорту революцию... В России пусть. Плевать мне на Россию. А здесь не сметь... Не сметь! Эй, солдаты! Так и на приисках объявите... Всем рабочим... Никакой революции. Никакой республики... Все телеграммы врут!.. Они подложные. Телеграфиста немедленно засадить сюда. Чтоб никаких волнений... Всех расстреляю!!

Арестанты.—Самого в землю втопчем. Шмендрик. Ребята, ну-ка!

Пристав.—Молчать!.. *(Пошатываясь, идет к нарам.)* Кто сказал, а? Кто сказал?..

(Арестанты валятся на нары, закрываются бушлатами. Слышен гул голосов, глухой выстрел, другой, третий, крики. Поспешно вбегает часовой.)

Часовой.—Ваше благородье!.. Не спокойно.

Пристав.—Что?..

Часовой.—Честь имею доложить...

Пристав.—Молчать, каналья!.. Смирно!.. Руки по швам!

Часовой.—Бунт там... Стреляют. *(Выстрелы ближе. Все вскакивают.)*

Пристав.—Что, бунт? Ни с места! Строжайше запрещаю. Именем закона!.. *(Неистовствуя.)* Палачей сюда! Штыков! Картечи!!

(По коридору раскатывается: «Товарищи, вы свободны.»—«Урра!»—«Товарищи, свобода.»—«Урра!»)

Надзиратель *(бросается к приставу)*.—Что нам делать? Они идут.

(С красными знаменем, с криками врываются рабочие. С ними Пров.)

Голоса рабочих.—Товарищи!..

Пристав.—По указу его величества... Рота, пли!!

Пров.—Молчать, тварь!

Рабочий.—Товарищи! Именем революции объявляетесь свободными. Да здравствует революция, ура!

Все.—Урра! Ура!

Пробка.—Братцы! На колени все!

Арестанты *(падают на колени, крестятся)*.

Семка *(захлебываясь)*.—Дяденьки... Дяденьки!.. Это игра, али взаправду?!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Утро. Лес. Обрыв. У обрыва под сосной могила Сергея в венках из еловых веток. Красные флаги, плакаты. Большой пень, с него говорят речи. Вдали с обрыва видна тюрьма. Арестанты, рабочий с прииска, Семка, Пров Никитич. Он рядом с Наташей, которая сидит на валежине, рядом с могилой. При поднятии занавеса хор поет.

Хор.—Ревела буря, дождь шумел,
И в небе молоньи блистали,
И беспрерывно гром гремел,
А вихри в дебрях бушевали.

И беспрерывно гром гремел,
А вихри в дебрях бушевали.

(Повторение двух последних строк поется очень тихо, и на фоне едва слышной мелодии раздается голос Наташи. То же относится и к двум последующим строфам песни.)

Наташа.—Сергей убит... Отец мой при смерти... А может и я за ними. Как знать? Тяжко мне, Пров Никитич, тяжко.

Пров.—Не убивайся, Наталья Митревна.

Хор.—Почуяв волю, варнаки
Кручину в сердце схоронили,
У них зудились кулаки,
А слезы душу бередили

У них зудились кулаки,
А слезы душу бередили...

Наташа.—Спи, Сергей... Отдыхай. Вот весна придет, загудят над тобою сосны, кругом расцветут цветы и слетятся птицы... А я буду сидеть возле тебя и плакать...

Хор.—Но вот настал последний час,
В тюрьме ворота затрещали,
Гурьбой ввалились молодцы
И вольну волюшку нам дали.
Гурьбой ввалились молодцы
И вольну волюшку нам дали...

Наташа.—Тяжко мне, Пров Никитич... Неприветливо приняла меня чужая сторона... Я как былинка на проталинке: только показалась, а мороз и грянул... Одна теперь...

Пров.—Наталья Митревна. *(Встает.)* Уж и не знаю, как тебя утешить, голубка ты моя... Шла ты, можно сказать...

Старший рабочий.—Товарищ Пров! Вас плохо слышно. Залезайте на пень, говорите, чтоб все слышали.

Голоса.—Правильно. Залезай, Пров!

Старший рабочий.—Товарищи! Одну минуту, Пров Никитич... Вот мы справили поминки по нашем товарище Сергее Бугрове. Он честно пал от руки убийцы. Не довелось ему с нами порадоваться... Три дня лежит в мерзлой земле...

Голоса.—Смерть убийце! Привести его сюда. Давай его на расправу!

Старший рабочий. — За ним пошли. Приведут сейчас... Ну, товарищ.

Пров.—Вот я и толкую. Наталья Митревна... Шла ты, мол, шла за своим Сергеем... не одну тыщу верст. И вот, значит, пришла. То-есть получила удовольствие, нечего сказать. Ну, все-таки, ладно. Терпи... Значит, пусть Сергей в могиле. Эх, Наталья Митревна. Не горюй. Ведь ежели и семя закопать в землю, оно быдто бы

сгниет, это семя-то. Быдто бы умерло. Ан нет! Глядишь, весной росток дает, а летом ядреный колос вырастет. Так и Сергей твой...

Голоса.—Правильно! Верно! Ай-да Пров.

Пров.—А не правда что ль? Поэтому не плачь, Наталья Митревна, и не тужи. Теперича, братцы, как мы свободу заполучили, значит вздохнем и будем хорошее повсеместное дело зачинать. А то что ж это такое, не жизнь, а каторга была.

Голоса.—Верно! Верно! Чего тут толковать! Сыпь дале!

Пров.—И окромя всего прочего я так мекаю, чтоб кругом школы были, чтоб учеба шла первый сорт. А то мы ни аза в глаза.

Семка *(сидящий против Прова на корточках)*.—А я грамотный. У меня, дяденька, варакул есть.

Пров.—Твой варакул тьфу! А надо настоящее. Вот нас тут много, а башки у всех одна другой темней. Оттого все безобразие... Ну, кто, к примеру, разъяснит, что есть жизнь? То-есть к чему кажиный человек живет. Чтоб картошку чавкать, да пельмени жрать с уксусом? А душа-то? Да что мы, свиньи, что ли?

Голоса.—Свиньи и есть. Еще хуже.

Пров.—Врешь! Чего врешь. Мы есть человеки-люди.

Пробка *(подымаясь)*.—Верно! Вакурат! Я желаю свои мысли возразить. Вот, скажем...

Старший рабочий.—Позвольте, товарищ, погодите.

Семка.—Антиресно как.

Пров.—Вот к тому я и вел... Наталья Митревна, голубка. Останься с нами... Поучи нас... И тебе будет легче, да и нам добро.

Голоса.—Да уж не оставь, Наталья Митревна!

Пров *(слезает, идет к Наташе)*.

Наташа *(от могилы)*.—Спасибо, братья... Я останусь. От могилы куда уйду. Будем вместе жить, будем

бороться с тьмой, искать правду, попытаемся устроить жизнь крепкую, чтоб всякому было легко дышать, чтоб в каждом горела вера в свои силы, вера в истинную правду, и чтоб горела в сердце любовь ко всему живому.

Голоса.—Спасибо тебе... Экое сердце-то у тя золотое... Братцы, благодари! Нижающе благодарим!

Пробка *(с пня)*.—Девушка! Как тебя... Натальюшка!.. Вот мы рестанты, а мы тоже люди. Верно мужик сказал. По обличью-то мы зверье, со шкурки-то. А звериного-то в нас и мало. Вникни и пойми. Эй, шпана! Так ли я говорю, ай не так?

Голоса.—Верно, Пробка, верно!

Старший рабочий.—Теперь нет шпаны. Теперь все граждане.

Семка.—Дяденька, а я кто?

Пробка.—Ну, допустим, граждàне и прочая кобылка, мне плевать... Вот тебя к нам силком в камору втолкнули. А тронул ли тебя кто хоша пальцем, али словом, раз ты женского сословья? Ну-ка?

Наташа.—Обиды не видала от вас... И не ждала...

Пробка. — Ага! Верно! Потому не зверье мы. Я есть убивец! *(Ударяет себя в грудь. Сидящий возле пня Семка отодвигается.)* Я купца зарезал. Ты что, щенячья лапа, испугался? Не бойся, дурачек... Никому не говорил, одна темна ночь знала... А теперича всей компании честной скажу, потому праздник теперича у нас, и сердце во мне настежь. Так-то ся...

Семка. — А ты меня, дяденька, как шилом-то в холку ляснул. Я думал ножом.

Старший рабочий. — Товарищ Семён! прошу не перебивать оратора.

Пробка. — Вот тут как. Был, можно сказать, последний рестант. Стал оратель и полный гражданин. Ну, мне все это плевать. Я себе цену знаю. И рука

моя... вот эта самая ручища окаянная — будет честной рукой. Трудиться буду во как! До трех потов. Потому воля, полные права и все такое. Эх, слава те, Христу... Как его... Про что, бишь, я...

Семка.—А как купца, дяденька, зарезал.

Пробка.—Верно, щенячья лапа. И вот, объявляю. Ежели б купец был нищий и я нищий... Либо я богатый и он богатый. Словом, вровень со мной. Нешто стал бы я его резать? За кой прах? Вот, стало быть, и надо добиваться равненья, чтоб ни зависти, ни злобы друг к дружке. Тогда будет спокой. Так-ли, варнаки?

Голоса.—Так... Правильно. Теперича варнаков нету.

Пробка.—А мне плевать. Я люблю правду резать.

Голос.—Да ты и купцов ловко потрошишь.

Семка.—Хы-хы-хы.

Пробка *(грозит Степке кулаком)*.—Вот и весь мой сказ, ребята... Али граждане, что ли, варнаки?

Голоса.—Ведут... Ведут...

Пробка.—Нет, это иго-го... Дьякон... *(Слезает с пня.)*

Голоса.—Эге. И Марья с ним. Ай да бабка!..

Дьякон *(в рясе, за плечами ружье)*.—Мир честной компании. Здорово, други!

Марья *(с большой корзиной)*.—Здрасте-ка. Нате-ка лепешек вам горяченьких. Сейчас из печки. Дай, думаю, снесу... Вроде как поминки ведь у вас? На-ка, Семка, обнеси. *(Ищет глазами Наташу, подходит к ней. Семка раздает лепешки и сам ест.)*

Дьякон. — А я было на сборню за газетой пошел. Там и узнал. Митинг, что ли? Можно мне пару слов?

Старший рабочий.—Тише, товарищи, тише! Наедитесь еще. Слово предоставляется товарищу дьякону.

Дьякон *(с пня)*.—Отцы и братья. Простите меня, что в сем странном виде. Вот и ружьишко. И по секрету скажу, чуть хвативши... Но бывают дни и часы, когда всю суету на свете забываешь, и живешь мечтой.

Аз есмь пьяница. С сего и начну. И вопрошу вас громогласно, словами песнопевца Никитина: «А по чьей же я милости пьяницей стал?» Чего ради? Ответ краток. По милости всей прошлой треклятой жизни русской. Аз есмь правдолюб. И сильным мира сего всегда говорил в глаза правду. Вот и сковырнули и заточили в вашу трущобу, аки татя и разбойника. Я укорял их кратко: Христа забыли, Христову правду забыли!..

Голоса. — Забыли и есть. Дело дьякон говорит. Вали, вали, отец!

Дьякон. — Где любовь? Где равенство? Где устремленье в высь? Хамство одно осталось на земле! И погибла бы Русь *(подымает руку, крепко трясет ею в воздухе)*, вся на веки испоганилась бы, как Содом-Гоморра пала бы, если б не пожалел ее Господь, не послал в нее праведников! Поклонимся же, братия, одному из славных праведников сих. *(Земно кланяется могиле. Все снимают шапки. Многие крестятся.)* И тебе, юница, кланяюсь за крестное страдание твое, и возношу хвалу Господу, что извел тебя из пещеры львиной, аки Даниила пророка. Да будешь ты благословенна ныне и присно, и во веки веков. Аминь. *(Отходит в сторону.)*

Пробка *(быстро подходит к дьякону, берет обеими руками его руку, растроганно хрипит)*: Ах, ми-и-лай... Ну, ну... Уважил... *(Утирает рукавом глаза.)*

Наташа *(с пня)*. Дорогие братья! Здесь, у этой могилы, дайте и мне сказать вам. В нее опустили человека, который всю жизнь свою положил за народ. Он сам вышел из народа, и не было у него иной мысли, как о том, чтобы жизнь ваша стала светлее и чище. За это царские палачи всячески терзали его и, наконец, убили. Таких могил много на Руси, и чую я сердцем, что много их прибавится. Сейчас вы одержали победу, но враг силен, борьба будет трудная. И

вот братья, дорогие друзья мои, светлой памятью моего Сергея заклинаю вас: будьте милосерды...

Дьякон *(громко)*. Имеющий уши слышати, да слышит!

Наташа. Не омрачайте дела вашего жестокими расправами... не надо крови...

Голоса *(недовольно гудят, слышатся выкрики)*: Надо! Жги, коверкай!.. Режь!.. Надо!..

Наташа *(властно)*. А я вам говорю: не надо! Будьте суровы в борьбе, но не беспощадны. Не давайте злобе властвовать над вашим сердцем. Берегите чужую жизнь. Говорю вам, братья, как сестра, как женщина. Берегите жизнь!..

Голоса.—Ведут, ведут!

Голоса.—Ведут и есть. Эвот, эвот... *(Толпа смотрит в лес, некоторые бегут.)* Сюда! Сюда! Ведите сюда. Сюда!

(Вводят пристава и надзирателя. Они связаны, руки назад, общей веревкой. Их окружает толпа арестантов и рабочих. Крики. Шум.)

Голоса.—А, вот они, кровопийцы. Разорвать их!.. Бросай с обрыва!

Старший рабочий.—Товарищи! Товарищи! По местам!

Голоса *(злобно)*.—Расстрелять их. Вздернуть!..

Пробка. Пусти-ка я... Бей их, ребята!

(Хватают арестованных. Пров Никитич, дьякон и старший рабочий отбивают.)

Дьякон.
Пров.
Старший рабочий.
} Легче! Легче! Ну вас к монаху!.. Нельзя... Да нельзя же, товарищи. Стой!!.

Голоса.—Вздернуть их. Катай их подлецов! Палач! Где палач?!

Старший рабочий *(к рабочим, отбивающим арестованных).*—Товарищи, оцепи кольцом! Назад! Назад!.. Вот так... Фу-у-у ты.

Дьякон *(ко всем).*—Что вы, обалдели? И мне-то чуть бороду не вырвали. Народ!

(Все мало-по-малу успокаиваются. Старший рабочий наводит порядок. Пристав и надзиратель дико осматриваются, пуча глаза.)

Наташа *(быстро подходит к приставу и, едва владея собой, хрипло бросает ему в лицо).*—Презренный, убийца. Что ты наделал, негодяй? Что ты наделал? *(Указывает на могилу.)*

Пристав.—Это, сударыня, не я...

Голоса.—Ах, не ты?.. Ха-ха-ха... Это, братцы, не он...

Наташа.—А кто же?

Пристав.—Рука моя. Пьяная моя голова.

Наташа.—Издевательство. Низость! Зверство!

Пристав.—В запальчивости случилось... Не помня себя.

Надзиратель.—Простите великодушно, сударыня...

Пристав.—Простите.

Наташа *(истерически хохочет).*—Простить? Тебя простить?.. Слышите, товарищи? Слышите?!

Голоса *(гудят).*

Марья.—И мово Николушку не ты засек нагайкой, аспид? А? не ты, скажешь? Не ты?! Да чтоб тебе разлететься на сто частей!.. Да чтоб те черти глаза выкопали...

Наташа.—Подлец! *(Отходит прочь.)*

Голоса.—Бей их!

Марья. Чего вы на них, окаянных, смотрите?

Пробка.—Ужо-ко я... *(В толпе движение.)*

Старший рабочий.—Нельзя, товарищи! Ни с места!

Марья (*тычет кулаками в воздух*).—Гадюки этакие... У, змеи!

Старший рабочий.—Тише! Тише! Сейчас решится судьба вот этих двух... Врагов наших... А кстати возражу нашему товарищу, Наталье Дмитревне. Она, как женщина, взывала к милосердию, к состраданию. Я думаю, все это чушь. Борьба, так борьба. В драке побеждает сила, а уступчивый да слабый всегда гибнет. Пример... Допустим, на горной тропе каменная глыба... Надо пройти вперед, а нельзя, мешает... Столкни ее с обрыва и пройдешь.

Дьякон.—Ересь. А ежели под обрывом хата, а в хате люди?

Старший рабочий.—Позвольте, позвольте...

Дьякон.—Я уж лучше карабкаться по скале стану, сдеру ногти в кровь, а обойду.

Старший рабочий.—Бывают менты, когда карабкаться некогда. Если разбойник схватил тебя за горло, выхватывай нож и бей.

Дьякон.—Ересь!

Старший рабочий.—Вот перед нами два злодея: большой и маленький...

Голоса.—Ага, дошел-таки до точки!.. Чичас их взвошут.

Старший рабочий.—Вчера на собраньи порешили: маленького отпустить, большого, то-есть пристава,—казнить смертью.

Пристав.—Что вы, ребята?.. В уме ли вы? Братцы...

Голоса.—Были ребята, да сплыли.

Марья.—Гляди-ко-те... гадюка какая... Еще он шипит...

Пристав.—Меня казнить? Да вы и вправду? Что вы, господа...

Наташа.—Подлец! (*Двинулась было к нему, но остановилась, с ненавистью смотрит на него.*)

Пристав (*крикливо*).—Убьете—ответите!.. Помните, ребята. Наша возьмет—всем вам секим-башка!

Старший рабочий.—Молчать!

Марья.—Ах ты, сквалыжник!..

Пров.—Чего на него любоваться-то?!. Чорт такой.

Старший рабочий. — Значит, утверждаете, товарищи, наш приговор?

Голоса.—Утверждаем... На костер! Повесить!.. Кол ему в душу... Пихай, ребята, в огонь!.. (*В толпе движение.*)

Пробка.—Полезай сам, коли замерз... А вот как, по моему... (*Идет к Наташе.*)

Старший рабочий.—Эй, кто с ружьями... Товарищи!

Пробка.—Постойте! Давайте-ка женщину опросим.

Пров.—Наталья Митревна! Верно и есть.

Пробка.—Он ей больней всех на сердце-то наступил...

Голоса.—Правильно это. Правильно. Айда̀ скорее!

Дьякон.—Премудрость Соломона.

Пробка.—И как она, значит, размыслит, так тому и быть. Согласны, братцы? И вы, варнаки, согласны?

Все.—Согласны. Все согласны. Эй, Наталья!

Наташа.—Не могу. Сердце у меня кипит... Не могу.

Старший рабочий.—Наталья Дмитревна!—Просим.

Наташа.—Избавьте меня от этого. Судите сами.

Голоса.—Просим... Просим...

Семка.—Антиресно как... Ух-ты...

Пров (*помогая Наташе взойти на пень*). — Приди в себя. Успокойся.

Наташа. — Тяжко мне сказать... (*Опускает голову, прикладывает ко лбу ладони.*) Голова горит... Сердце разрывается... (*Ломает руки.*) Да, бывают моменты, как сказал товарищ... Постойте, постойте... дайте собраться с духом... Да... выхватывай нож и бей... Так ли это?

Пристав. — Хороши молодцы. Бабу слушать. Шлюху...

Наташа.—Что?! (*Уничтожающе смотрит на него.*)

Старший рабочий *(вскакивая и грозя револьвером)*. — Молчать, стервец!

Пристав.—Она мне, пьяная, на шею висла... Продажная тварь!

(Пауза.)

Наташа *(истерически)*.—Смерть ему! Смерть! Стрелять!!

(Все с криком окружают пристава и надзирателя.)

Старший рабочий.—Стойте! Одну минуту! К порядку. По местам! Значит, приговор утверждается?

Наташа *(всё так же, с надрывом)*. — Смерть ему! Смерть! Смерть! *(Падает на руки Прова.)*

Марья.—Дождался ѐлман... *(Подбегает к Наташе.)*

Голоса *(хором)*.—Утверждается. *(В разброд.)* Отвязывай этого... Ну, пошел к чорту... Ты свободен.

Надзиратель *(кланяясь)*. — Спасибо... Благодарю... Век не забуду... *(Пятится и, быстро повернувшись, скрывается в лесу.)*

Пристав *(вырываясь)*.—Постойте. Опомнитесь!

Голоса. — Волоки его к сосне... К обрыву... Рой ему могилу!

Пробка. Ладно и без могилы. Теперича не лето, не протухнет...

Пристав. — Братцы, не слушайте ее... Братцы, простите... *(Вырывается.)*

Голоса.—Ишь, какой боров... С ним не сладишь. Держи!

Старший рабочий *(командует)*.—Десять с ружьями... Сюда! Становись здесь. А его подальше, подальше!..

Голоса. — Куда подальше... Ладно. *(Прислоняют пристава к сосне.)*

Пристав.—Эх! Жизнь пропита... *(Закрывает лицо руками.)* Умирать, так умирать.

Старший рабочий.—Товарищи, приготовсь.

Пристав *(малодушно).*—Братцы, пощадите! Голубчики...

Голоса. — Ага! — Голубчики? — А раньше-то кто были? — Змей!

(Стрелки пробуют курки у ружей. Прицеливаются. В последний момент Наташа вырывается из рук Прова и Марьи, с криком: «Стойте, остановитесь!» бросается к приставу и загораживает его собою, раскинув руки.)

Наташа.—Остановитесь!.. Опустите ружья!

(Опускают ружья и удивленно смотрят на нее. Пауза. Каркает ворон вдали. Доносится благовест колокола. Пробка, Марья и некоторые крестятся.)

Наташа *(просветленно).*—Я решила... И прошу... И требую!.. Решенье мое свято. И эта тварь — человек...

Голоса. — Человек?! Ха-ха-ха!..

Наташа. — Или когда-то был человеком... И кто знает, может будет человеком вновь... Я прощаю... *(Пауза. Ворон каркает. Благовест слышнее.)* Я вас, господин пристав, прощаю. *(Повертывается к нему.)* Вот вам моя рука.

Голоса *(в разброд).*—А-а-а... Напрасно...

— Чего напрасно... Хорошо...

— По бабьи это...

— Са̀мо хорошо!..

— По Божьи...

Пристав *(схватывает руку, целует).*—Наталья Дмитриевна! Наталья Дмитриевна! *(Повертывается быстро к сосне и, уткнувшись лицом в согнутую руку, плачет.)*

Наташа.—Друзья милые... Братья мои... Не омрачайте и вы свободы... Простите и вы... Трудно простить врагу. Вот он обессилен... унижен до конца, миг—и нет его... Трудно простить, трудно остановить занесенный нож...

Но когда победишь себя, вдруг на душе станет Пасха.

Пристав *(опускается на колени. Лицо заплакано).*

Наташа.—Встаньте... Будьте человеком.

Пристав.—Даю слово... Клянусь... Чуть ли не первый день за всю здешнюю жизнь я трезвый... Трезвый приношу клятву. Клянусь!

Наташа. — Друзья. Пусть солнце сгонит с вашей души мрак. Прощаете ли вы?

Голоса *(в разброд).*—Как ты, так и мы...

— Эх, напрасно...

— Прощаем! Прощаем!..

Наташа. — Низкий вам поклон... Спасибо... *(Пауза. Благовест.)*

Старший рабочий. — Гражданин. — Именем вольного народа — вы свободны.

Дьякон. — Иди и впредь не греши.

Пристав *(поднимается с колен, идет к валежине и падает на нее).*

Семка. — Эх, пес тя задави! Жалко... А всё ты, дяденька Пробка. Я бы застрелил.

Пробка. — Пшел ты к чу̀мару... Жаба!

Старший рабочий. — Давайте, товарищи, нашу рабочую... И по домам... В кружок, товарищи... В кружок, тесней!..

(Устанавливаются. Берут знамена.)

Семка. — И мне. И мне!..

Хор. —

Отречемся от старого мира,
Отрясем его прах с наших ног...
Нам не надо златого кумира,
Ненавистен нам царский чертог...

Занавес.

1919.
Петербург.

Замеченные погрешности:

Стр. 11—строка 18-я сверху, после слов пристава «кушайте, кушайте», вставить: «Мужик! Скотина какая! А?..»

Стр. 51—после слов: *(Входят солдаты, пристав и надзиратель)*—вставить: «Один голос *(сиротливо кончает песню):* — Померкло на... уста... ах...»

Стр. 52—строка 3-я снизу, после слов: «Палач... Палач идет...» – вставить: *(голоса арестантов жутко раскатываются по камере).*

Стр. 54—строка 5-я сверху, вместо: *(Арестанты валятся на нары, закрываются бушлатами. Слышен гул голосов* и т. д.) следует читать: *(Арестанты угрожающе наступают на него, некоторые валятся на нары, накрываются бушлатами. За сценой слышен гул голосов* и т. д.).

Стр. 55—строка 4-я сверху, вместо «рабочий» надо читать: «рабочие».

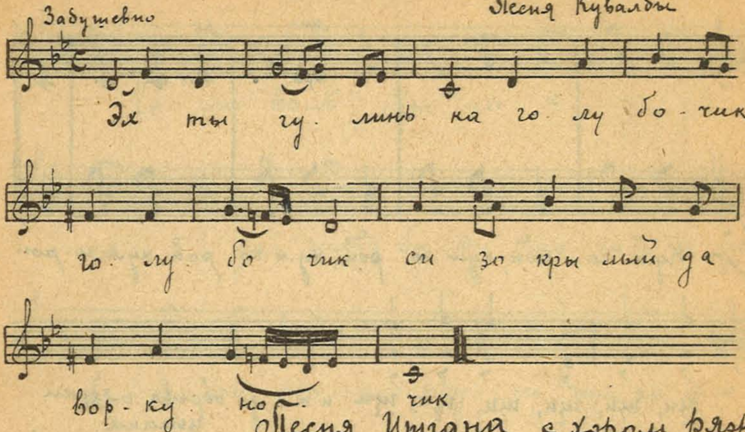
Стр. 58—строки 2, 3, 4 и 5, вычеркнуть: «чтоб в каждом горела вера в свои силы, вера в истинную правду, и чтоб горела в сердце любовь ко всему живому.»

Стр. 58—строка 14-я снизу, после слов: «Потому не зверье мы»—вставить: *(После паузы, резко):*

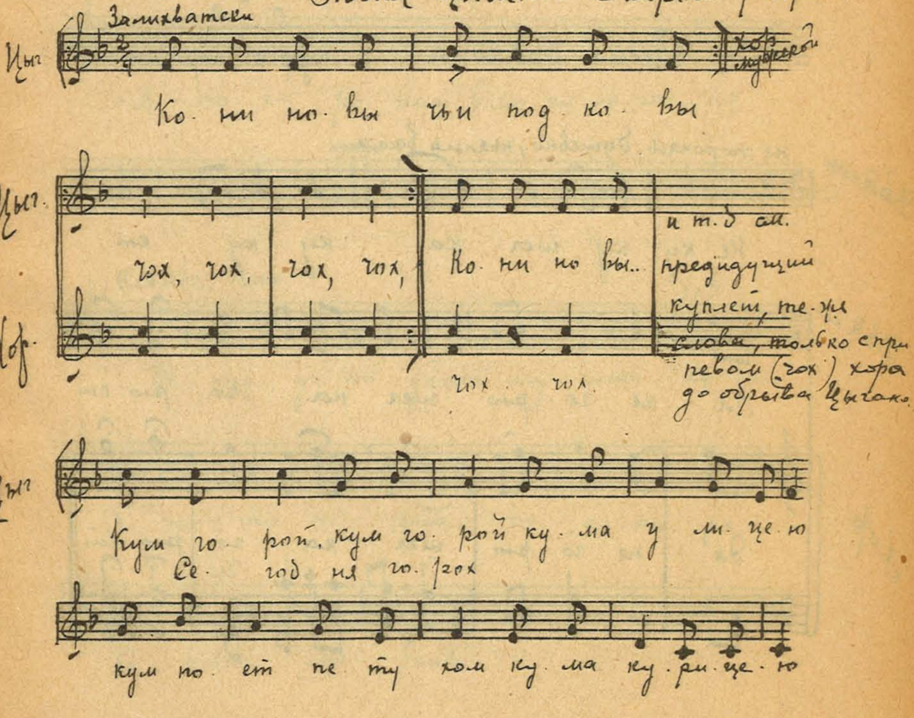
„Старый мир" муз. NN записаны с голоса автора пьесы И. Смолиным.

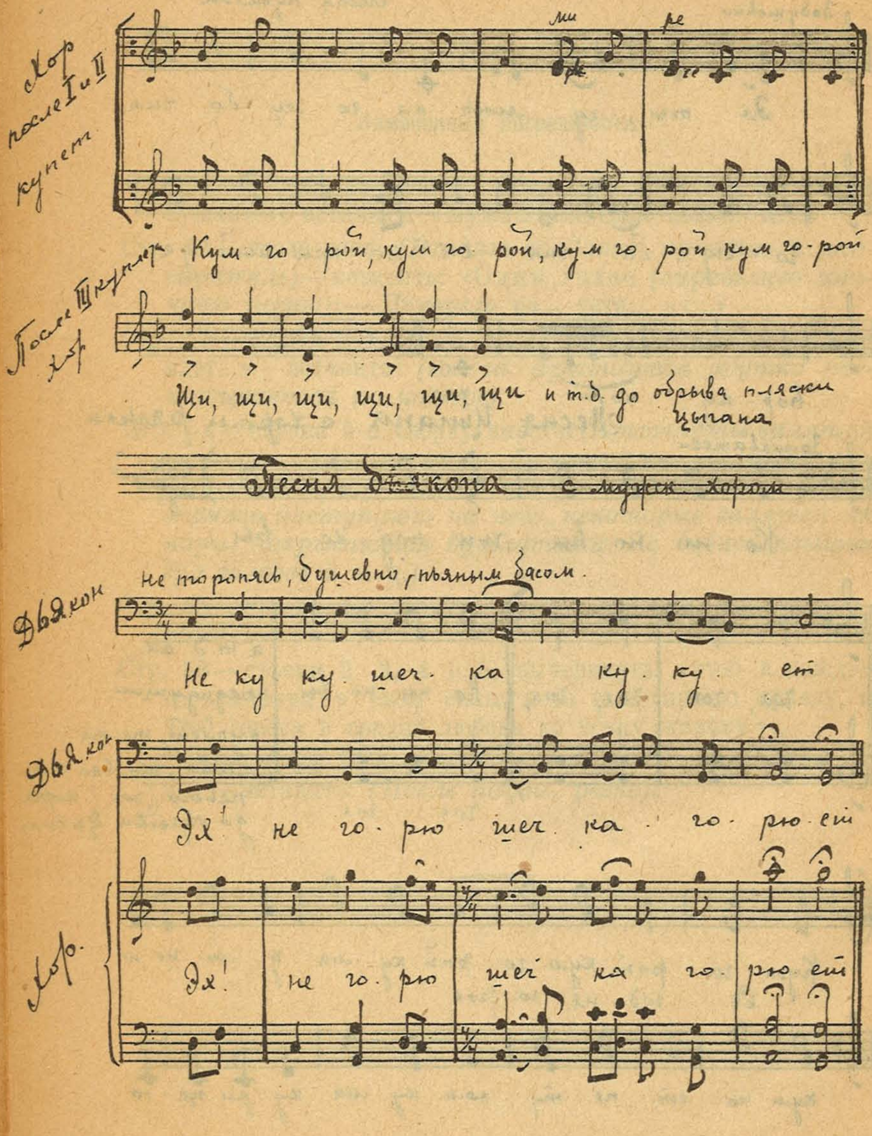
I акт

Песня Кувалды

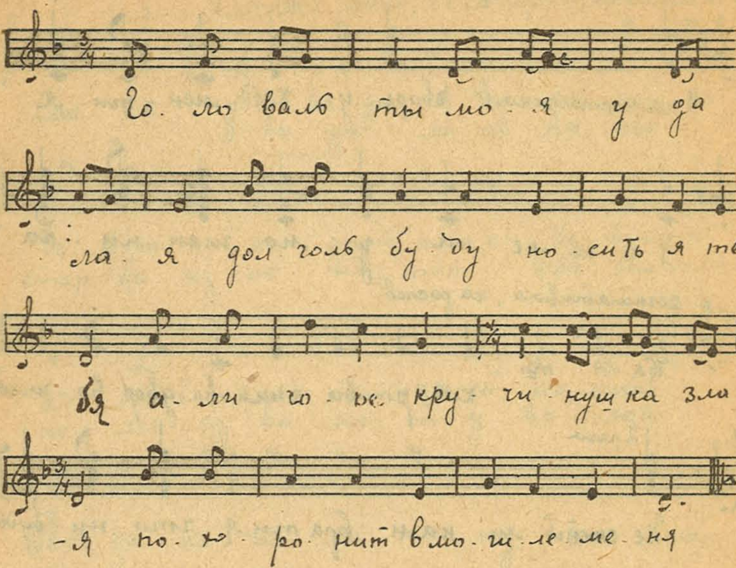

Песня Цыгана с хором ряжен.

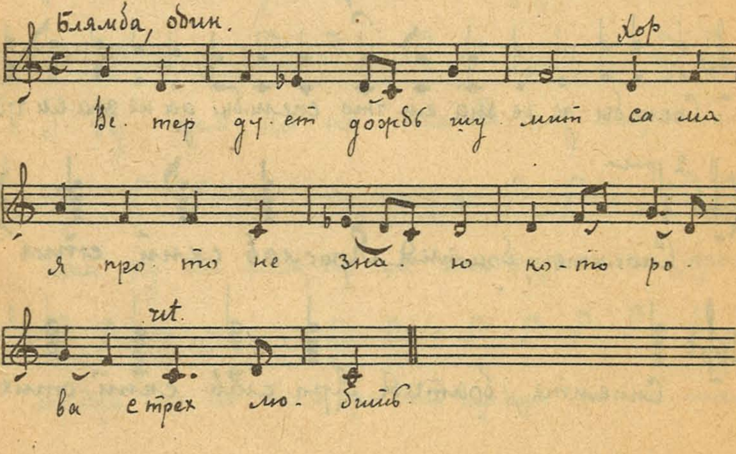

Хор после I и II куплет
ми
ре
Кум го-рой, кум го-рой, кум го-рой кум го-рой
После III куплет
ff
Щи, щи, щи, щи, щи, щи и т.д. до обрыва пляски цыгана.
Песня дьякона с мужск. хором
не торопясь, душевно, пьяным басом.
Дьякон
Не ку ку-шеч-ка ку-ку-ет
Дьякон
Эх! не го-рю-шеч-ка го-рю-ет
Хор.
Эх! не го-рю-шеч-ка го-рю-ет

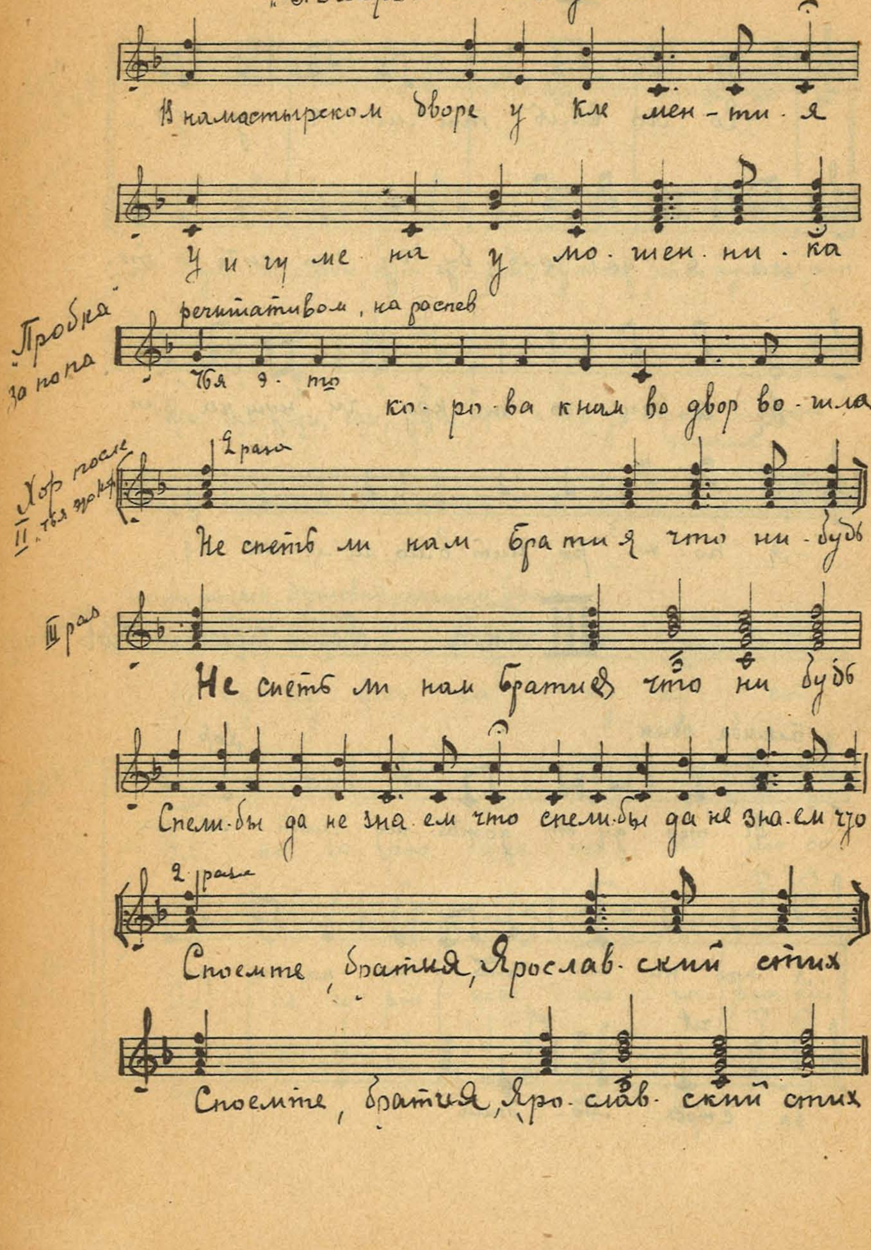
II акт Песня пьяного

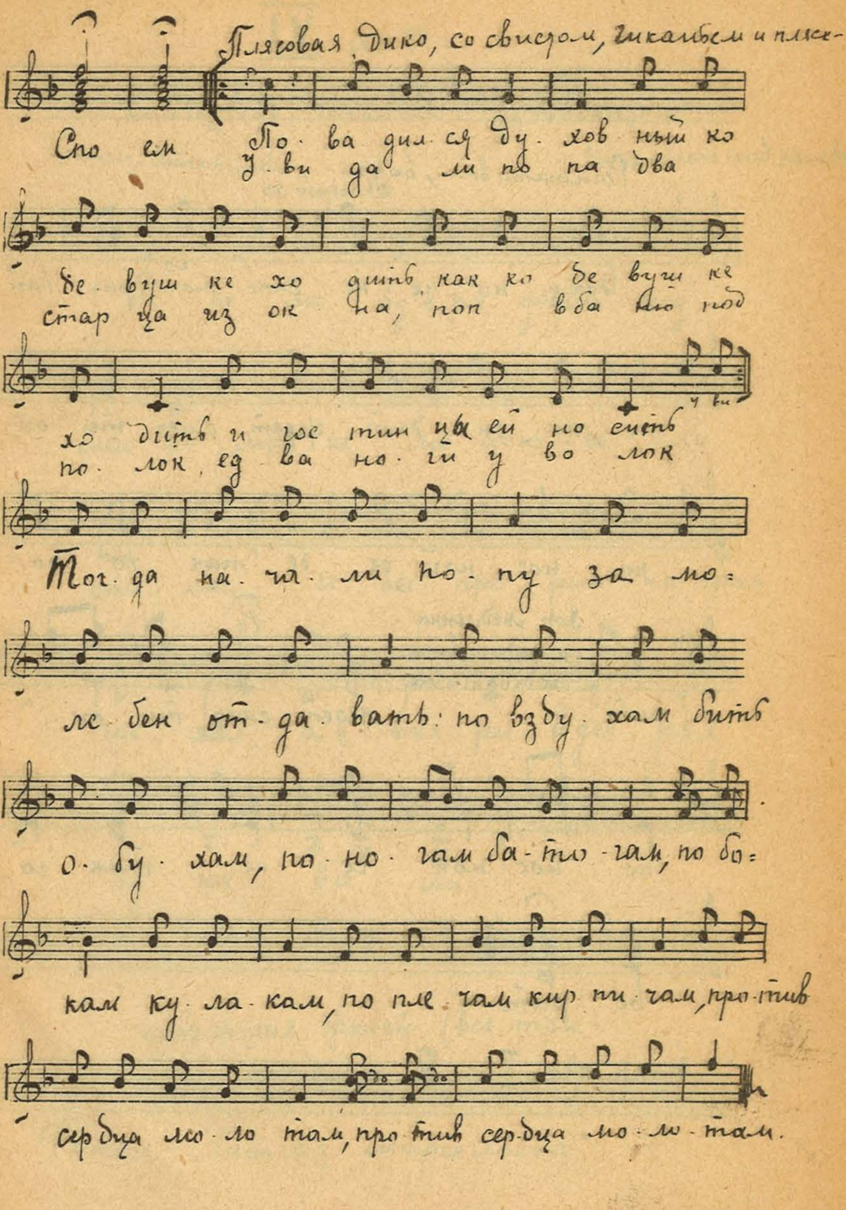

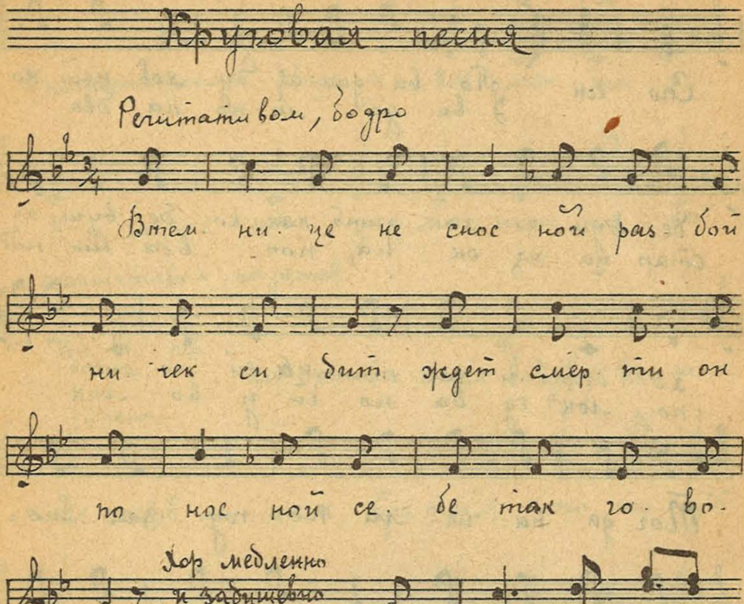
III акт. Песни арестантов

Арестантская игра
„Похороны бабушки"

Плясовая дико, со свистом, гиканьем и пляс-
Спо ем По-ва дил-ся ду-хов ный ко
У-ви да ли по па два
де-вуш ке хо дить как ко де вуш ке
стар ца из ок на, поп в ба ню под
хо дить и гос тин ца ей но сить
по-лок, ед ва но-ги у во лок
Тог-да на-ча-ли по-пу за мо-
ле-бен от-да-вать: по взду-хам бить
о-бу-хам, по но-гам ба-то-гам, по бо-
кам ку-ла-кам, по пле-чам кир-пи-чам, про-тив
сер-дца мо-ло-там, про-тив сер-дца мо-ло-там.

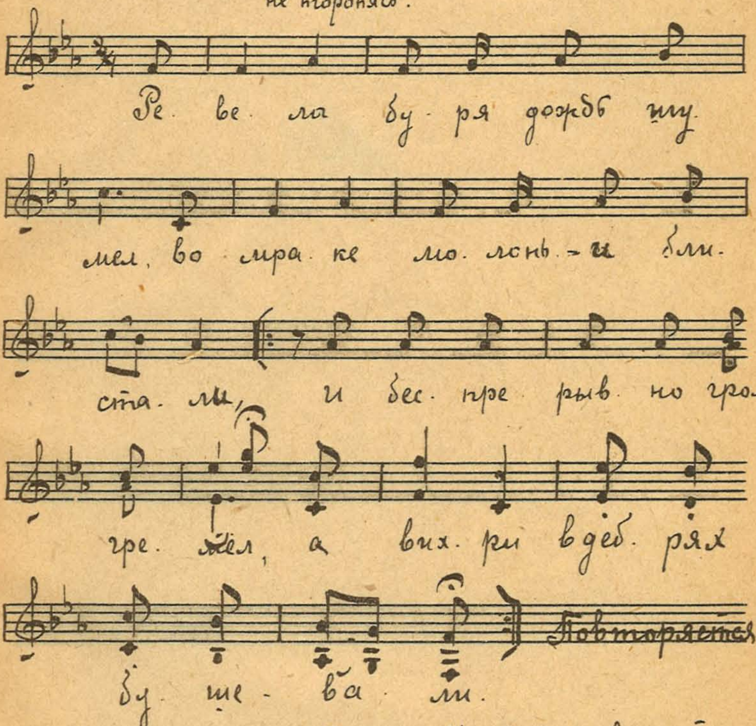

Круговая песня
Речитативом, бодро
Втем ни це не снос ной раз бой
ни чек си дит ждет смер ти он
по нос ной се бе так го во
Хор медленно и задушевно подхватывает
рит ждет смер ти он
по нос ной се бе так го
во рит.
Так-же II и III купл.

IV акт.

Общая песня у костра

Громко, отчетливо, не торопясь.

Начинают под занавес

очень тихо т. к. Наташа говорит небольшие фразы, (все три раза)

Финал – „Рабочая марсельеза“.

	Цена. Р.	К.
Лафарг, П. Благотворительность и право на труд	—	60
Его-же. Миф о непорочном зачатии	—	35
Его-же. Буржуазия и наука	—	65
Его-же. Вера в Бога. Разошлось. Печатается 2-е издание	—	75
Его-же. Труд и капитал	7	50
Его-же. Патриотизм буржуазии	1	10
Его-же. Право на леность	1	10
Ленин. Доклад и заключительная речь на 3-ем Всероссийском Съезде Советов	—	25
Его-же. Борьба за хлеб. Разошлось. Печатается 2-е издание	—	40
Его-же. За 12 лет. Собрание статей	20	—
Его-же. Пролетарская революция и ренегат Каутский	4	50
Его-же. Главные задачи наших дней	—	65
Его-же. Уроки революции. 2-е изд.	—	40
Его-же. Империализм, как новейший этап капитализма. (Попул. очерк)	4	40
Его-же. Успехи и трудности Советской власти	2	20
Либкнехт, В. Два мира	1	60
Его-же. Никаких компромиссов, никаких избирательных соглашений	1	30
Его-же. 1848 год и коммуна. Разошлось. Печатается 2 е издание	2	—
Его-же. Воспоминания о К. Марксе	2	—
Его-же. К юбилею мартовской революции	3	80
Либкнехт, Карл. Мой процесс. (По документам). С предисловием Зиновьева и портретом К. Либкнехта	12	—
Линдеман, Г. Коммунальная политика социализма	1	40
Линдов, Г. Великая французская революция	15	—
Лилина, З. Солдаты тыла. Женский труд до и после войны. Разошлось. Печатается 2-е издание	2	10
Ее-же. Организуйте женщин	—	50
Ее-же. Что дала революция народу	—	35
Литературный сборник, посвященный памяти Г. В. Плеханова	3	45
Логинов. На страже. Стихотворения. Сатиры	1	80
Его-же. Накануне. Стихотворения	3	50
Лукин, Н. Церковь и государство	—	50
Луначарский, А., и Зиновьев, Г. К. Маркс и социальная революция. Разошлось. Печатается 2-е издание	—	65
Луначарский, А. Комедии. 2-е издание	5	30
Его-же. Карл Маркс. Ко дню 100-летия со дня рождения	—	50
Его-же. Королевский брадобрей. (Власть). Пьеса	3	—
Его-же. Первый пророк и мученик революции Радищев	1	20
Лурье, М. (Ю. Ларин). Суд над К. Либкнехтом	—	45

	Цена. Р.	К.
Лурье, Крестьяне и рабочие в русской революции	2	—
Его-же. Состав пролетариата. 2-е изд.	—	65
Любимов. Танки, их боевые свойства и борьба с ними	3	—
Люксембург, Роза. Реформы или революция	9	—
Майская, Татьяна. Полустанки	3	50
Маркс, К. Либералы у власти	2	—
Его-же. Наемный труд и капитал	1	40
Его-же. Заработная плата, цена и прибыль	—	85
Его-же. К еврейскому вопросу	3	75
Его-же. Речь о свободе торговли	1	50
Его-же. Классовая борьба во Франции 48 г.	7	50
Его-же. Кельнский процесс коммунистов	7	—
Его-же. Критика Готской программы	1	80
Маркс, К., и Энгельс, Ф. О коммунизме	1	40
Их-же. Манифест коммунистической партии	2	80
Мархлевский. Что такое политическая экономия	1	10
Меринг, Франц. Карл Маркс, история его жизни	80	—
Меринг, Фр., и Лафарг, П. Фридрих Энгельс	1	40
Мещеряков, В. Деревенская беднота и путь к социализму	—	40
Мирбо. Жан и Мадлена. Драма	1	50
Моррис, В. Вести ниоткуда. Утопия	8	50
Мор, Т. Утопия	7	20
Муйжель. Бабья жизнь	3	50
Его-же. Старухина земля	2	20
Его-же. Старый Камора	2	—
Его-же. Прохожий	4	—
Его-же. Дача	4	—
Его-же. Проклятие	3	—
Его-же. Дом на площади	3	30
Наш рабочий праздник 1 мая	—	30
Немирович-Данченко. Вся чужая	2	75
Его-же. Ранние огни	30	—
Его-же. Правда сказок	40	—
Его-же. Бодрые, смелые, сильные	40	—
Его-же. Вечная память	45	—
Его-же. Банкирский дом	—	—
Его-же. Их было пять	8	—
Его-же. Свет—Свет—Свет	10	—
Его-же. Хотели бежать	8	—
Его-же. Волчий сын	7	—
Его-же. В дудке	5	—
Новорусский, М. Грибы	10	—
Его-же. Приключения мальчика меньше пальчика	18	—
Олар. Политическая история французской революции	24	—
Памяти К. Маркса. Сборник статей. 2-е издание	4	50

Цена 25 руб.

Первая Государственная Типография, Гатчинская, 26.